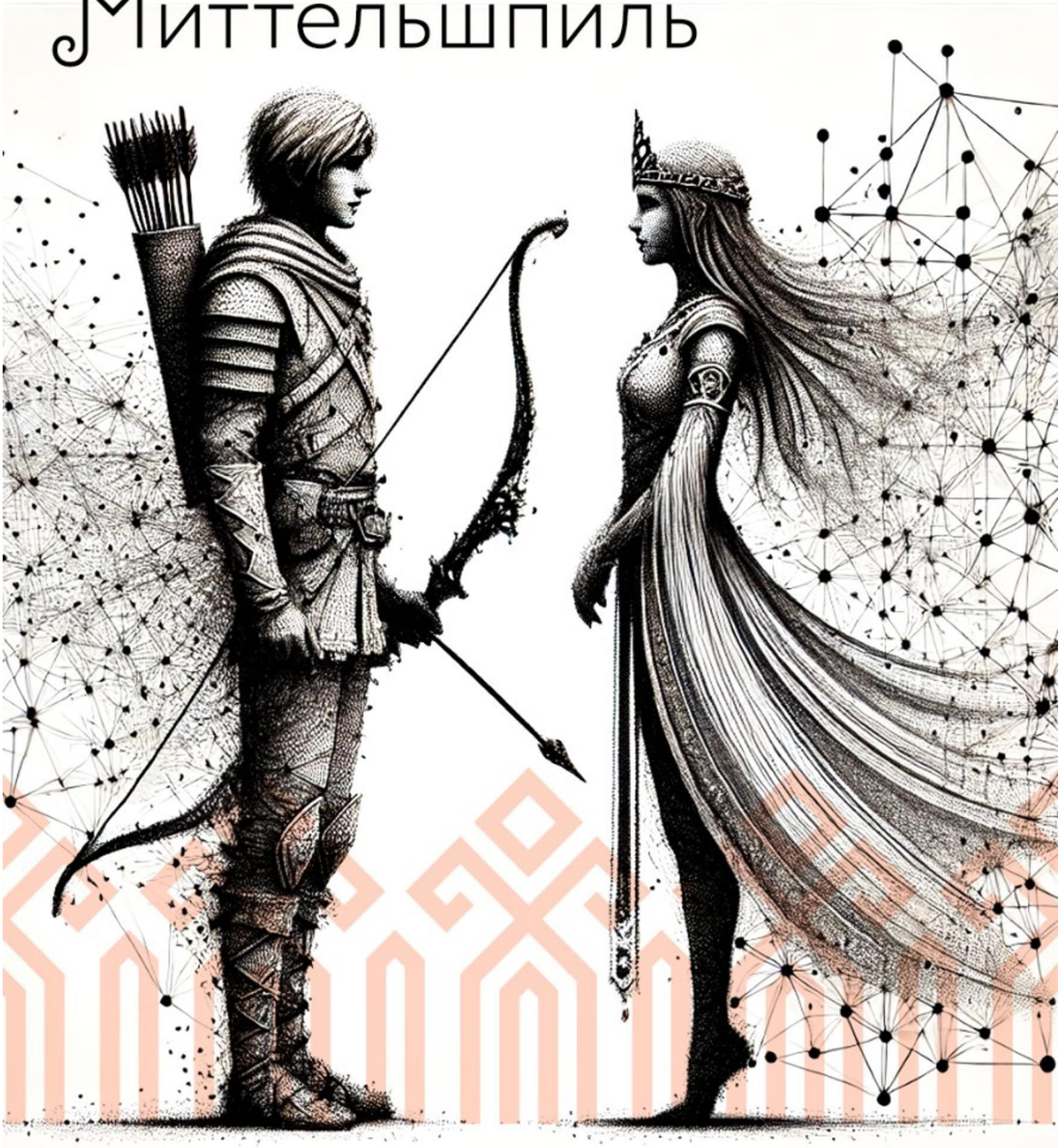
Роковой Ремиз

Вакуумный Миттельшпиль

Юрий·Шротки

Персы **#2**

Юрий Шотки

Роковой ремиз. Вакуумный миттельшпиль

«Автор»
2026

Шотки Ю.

Роковой ремиз. Вакуумный миттельшпиль / Ю. Шотки — «Автор», 2026

Рейд-крейсер агент-адмирала Ник·То бороздит Сол, потягивая за ниточки криминального расследования. Сложно определить, что происходит на другом конце этих нитей: затянется ли узел ещё туже или расследование распустит хрупкую ткань политического устройства Сола?Если правильно смотреть на две похожие плоские картинки, можно увидеть объёмное изображение. А что можно увидеть, если одновременно жить в двух мирах? Раскрыть тайну мироздания или хотя бы разгадать тайну преступления?

© Шотки Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Восьмёрка Жезлов 5
Башня и Десятка Мечей 23
Море наоборот, в тени плюща 37
Отражение десятки мечей 54
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Юрий Шотки
Роковой ремиз. Вакуумный миттельшпиль

Восьмёрка Жезлов

Листва над головой складывалась в сложную мозаику, сквозь которую проглядывало небо. Уютно расположившись среди могучих корней старого бука, рекруты наслаждались привалом. Исполинские деревья степенно качнулись, их стволы потёрлись друг о друга, издавая раскатистый скрип.

– О, Скрипень прошёл! – пояснил Тюр, глядя вверх сквозь кроны деревьев. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь листву, и рекрут прикрыл глаза обезображенной правой рукой.

– Скрипень? – переспросил Улль.

– Ну да, – Тюр любил покрасоваться знаниями. – Это такой огромный воздушный червь. Он плывёт по воздуху, заглатывая и проталкиваясь сквозь него. Взрослый Скрипень может быть с вёрсту в длину.

– Заливаешь, – усмехнулся Улль. – Такую громадину мы бы заметили!

– Как его заметишь, когда он сам из воздуха? – возразил Тюр.

– Да байки всё это, – заключил Улль. – Просто ветер разгулялся.

Где-то вдали снова заскрипели стволы. Затем скрип раздался ближе, казалось, он приближается. Наконец, соседние буки величаво качнулись и потёрлись друг о друга с громким скрипом. С листвы посыпалась роса, и Улль заботливо прикрыл луки и колчаны сбившимся вбок полотнищем.

– Говорю же, Скрипень, – упрямо продолжал Тюр. – Он, когда летит над лесом, деревья задевает, а те скрипят.

– Ветер – это движение воздуха. Если твой Скрипень из воздуха, то он тоже ветер, – возразил Улль.

– Не спеши судить, рекрут, – вдруг подал голос обер-егерь. – Ты же наполовину из пустынных эльфов, должен знать об этих тварях. В ваших землях их называют Раи ас-Сахаб.

– Вот, вот, – поддержка старшего ободрила Тюра. – Я как-то видел Скрипня, когда он разбушевался. Червь выпил весь пруд в нашем селе и стал виден – такая себе огромная живая труба, уходящая в небо. Грохот стоял такой, что уши закладывало, ветер свистел, молнии вокруг… – Тюр на мгновение замолк, погружаясь в воспоминания. – Скрипня лучше не злить, – наконец, констатировал очевидец.

– Хватит лясы точить, – заявил егерь, затем громко скомандовал: – Подъём! Если мешкать не будем, то на заставу к ужину поспеем! Хотите отведать мясо кабанчика да под можжевеловые ягоды, да с запечённой корочкой, с дымком?!

Отряд рекрутов быстро собрался и, раскачивая пустыми шнобзаками, двинулся по лесной тропе. Уговаривать никого не пришлось.

Застава возвышалась на высоком холме, с которого начинался Лесной кряж, постепенно переходящий в Драконий хребет Обсидиановых гор. Мощные стены крепости, сложенные из брёвен железного дерева, скрывали за собой гарнизон. В центре крепости вздымалась ажурная дозорная башня, резные дощечки тонкими кружевами украшали её стены, а лучи вечернего солнца матовым глянцем отражались от деревянной черепицы луковичного купола башни.

Обер-егерь не обманул: из-за высокой стены маняще пахло печёным мясом.

* * *

– Вы можете гордиться собой! – сам заставный голова генерал-егерьмейстер Маковар встречал новобранцев, выстроившихся на плацу. – Вас выбрали из тысяч, чтобы вы стали егерями. Лишь редкий боец может удостоиться этой чести. – Егерьмейстер медленно шёл вдоль строя, тяжёлые сапоги не мешали ему двигаться с тигриной грацией, отчего гравий плаца совсем не шуршал у него под ногами. – Мы научим вас беззвучной тенью приближаться к врагу, бить без промаха и шума. Вы будете в одиночку поражать цели, которые охраняют целые армии. Вы станете элитой, но не ждите славы. – Заставный голова остановился, осмотрел бойцов и доверительно добавил: – Все ваши подвиги останутся тайной, таков ваш удел – стать тайными бойцами секретной службы империи. Раз вы здесь стоите передо мной, это значит, что в каждом из вас выявлен талант. Но не ждите, что с вами будут церемониться: кому много дано, с того много и спросится, а кому доверено многое, с того больше и взыщется!

Наконец генерал повернулся к обер-егерю и вполголоса приказал: – Веди их уже в трапезную! Животы у них так урчат, что я себя не слышу!

Так для Улля начались безмятежные дни на заставе. Кто-то из рекрутов жаловался, что муштра изматывает, но Уллю всё давалось легко. Особенно ему нравились упражнения по стрельбе из лука, как и сегодня.

Левая рука уверенно обхватывала гладкую спинку рукояти учебного лука, правая мягко тянула за тетиву, приближая хвостовик стрелы к груди. Напряжение в руке постепенно нарастало. Мысленно Улль уже видел будущий выстрел: представлял, как будет изгибаться древко стрелы во время полёта, слышал, как будет гудеть её оперение, видел, куда уткнётся её наконечник. Так.. Нужно взять немного правее и выше… Тетива едва скользнула по напальчникам, и стрела устремилась воплощать замысел стрелка. Хорошее, уверенное попадание. Следующая стрела воткнулась рядом с предыдущей.

В трёх шагах пыхтел Тюр. Ещё в детстве его правая рука побывала в пасти призрачного лютоволка. К счастью, деревенский целитель смог спасти руку, но на обезображенную шрамами кисть было страшно смотреть. Однако даже в такой ситуации нашлись свои плюсы: магические элементы призрачного животного попали в руку и кровь парня, отчего правая рука Тюра стала необычайно сильной и твёрдой, а всё его тело – крепким и выносливым. Несмотря на то что сильная рука помогала в стрельбе, Тюру было сложно соразмерить свою силу с полётом стрелы, из-за чего его навык стрельбы развивался медленно. Добродушный рекрут часто беззлобно сетовал на успехи своего товарища, убеждая Улля, что тот обманул свою судьбу и как-то выторговал у неё умение метко стрелять.

Мишень Улля была утыкана отличными попаданиями, но рекрут был убеждён, что может справиться лучше. Похоже, он не один так считал:

– Попробуй этим, – обер-егерь, обучающий новобранцев, бережно вынул из сайдака настоящий боевой егерский лук и протянул его Уллю вместе с колчаном, полным боевых стрел.

Плечи боевого лука были в полтора раза шире учебного, но весили луки одинаково. Благодарно кивнув учителю, рекрут наложил стрелу на тетиву и начал её натягивать. Боевые луки егерей славились эффектом памяти. Чтобы взвести такой лук, нужно было приложить обычное усилие, но если задержать руку, то лук фиксировался в этом положении, и уже требовалось гораздо меньше сил, чтобы удерживать тетиву в натяжении. Однако стоило слегка ослабить нажим, как эффект фиксации спадал, и лук отдавал стреле всю запасённую энергию. Благодаря этой особенности боевой лук позволял комфортно удерживать стрелу при нацеливании, но Уллю это было непривычно: он не мог рассчитать силу натяжения лука по напряжению в мышцах. Кое-как оценив усилие, приложенное для взведения лука, рекрут прицелился и выпустил

стрелу. Более жёсткое древко боевой стрелы колебалось чаще, и оперение звучало тоньше, а стрела воткнулась в мишень заметно выше центра.

– Неплохо, – признал егерь. – Большинство стрелков первым выстрелом из боевого оружия не могут даже в мишень попасть. Ты уже раньше стрелял из такого?

– Нет, мастер, – признался Улль и добавил: – Но кажется, я уловил его суть и понял боевую стрелу. Следующий выстрел будет лучше.

– Ну давай, покажи, что ты понял.

Не мешкая, Улль выстрелил снова. Теперь стрела уверенно поразила центр мишени. Рекрут выпустил ещё одну стрелу, которая при попадании коснулась предыдущей, а третья вклинилась между первой и второй.

– Этот лук кладёт гораздо кучнее, – улыбнулся Улль, выпуская следующую стрелу. Раздался треск – новая стрела расколола одну из тех, что уже были в мишени.

– Стоп! Стоп! – скомандовал обер-егерь. – Ты мне так все стрелы попортишь, а они не дешёвые! – Мастер дунул в рожок, чтобы ученики остановили стрельбу и приложили луки к телу – в таком положении выстрелить невозможно.

– Эй! Служки у мишеней, смените пятую мишень с «корзины» на «коврик», – крикнул мастер. Мишень Улля, которая была сплетена цветными концентрическими кругами, словно дно корзины, заменили на плетёный квадратный коврик с тремя рядами по три ромба – всего девять небольших тёмных ромбов. Обер-егерь снова дунул в рожок, и упражнения возобновились.

– Можешь продолжать, – скомандовал мастер. Улль не стал мешкать и без труда уложил девять боевых стрел точно по целям. Рядом раздался завистливый стон Тюра, Уллю было весело наблюдать, как по-доброму злится товарищ.

– Неплохо, неплохо, – признал учитель. – С такими успехами тебя можно будет принять в егеря уже при следующей луне. – По традиции присягу у новых егерей принимают во время полнолуния, так как Луна считалась покровительницей тайной службы.

Тем временем к ним подошёл начальник наряда по заставе.

– Чего тебе? – спросил мастер.

– Я за Уллем, тащь обер-егерь, – пояснил нарядный. – Он сегодня в рабочем наряде, а в сокольнике человек нужен.

* * *

На верхних этажах дозорной башни содержались соколы – зоркие птицы, которые несли свою службу в небе над заставой, подмечая всё странное и необычное в окрестных лесах от Васильковых равнин до Обсидиановых гор. Егерским разъездам тоже придавали одну-две птицы для небесного патруля, а на охоте соколы также были незаменимыми помощниками.

Окна сокольника были прикрыты резными ставнями, поэтому внутри царил полумрак. На присадах, тянувшихся вдоль вольера, сидели птицы в клобуках с хохолками. Дверь за спешащим Уллем хлопнула сильнее, чем он ожидал. Птицы резко повернули головы в сторону шума, некоторые всполошились, тревожно расправив крылья.

– Тш-ш-ш, т-ш-ш-ш, – раздалось в углу. – Отставить переполох! Это всего лишь желторотый рекрут, ни ходить, ни двигаться ещё не обучен, – успокаивал птиц старый сокольщик Аким, затем повернулся к «желторотому»: – Метла, совок и ведро вон там, в углу. И это, действуй спокойно, степенно, со всем уважением к птице.

– Так точно! – вполголоса отрапортовал Улль и подобрал нехитрый инвентарь.

Сметая с пола птичий помёт и ошмётки мяса, среди которых виднелись мышиные хвосты, мелкие кости и клочки шерсти, рекрут присматривался к старику. Облик Акима был во многом схож с его подопечными: вытянутое лицо с хищной горбинкой на носу, гладко зачёсанная назад

седина, собранная в хвост, и цепкий взгляд, прятавшийся в глубоких глазницах. В узловатых руках старик держал молодого сокола, приговаривая:

– Клюв у тебя растёт неправильно, сейчас его подрежем, слегка подправим, – увещевал он, проделывая манипуляции. – Ну, ну, понимаю, что неприятно. К тому же, перхоть у тебя – никак линять собрался, перо чешется. Но ты терпи: сокол, как-никак.

Орудуя под присадами, Уллю не всегда удавалось уклоняться от падавшего сверху мусора. Ведро быстро наполнилось, и парень вышел из сокольника, чтобы избавиться от мусора и отряхнуться.

Когда Улль вернулся, старик уже стоял в центре птичника рядом с крупным белым соколом. Полоса света пробивалась сквозь щель между ставнями и падала прямо на птицу, выгодно выделяя её среди остальных. В закатных лучах белые перья шелковисто блестели золотом. Только сейчас юноша заметил, что красный клобук этого сокола также был украшен золотой отделкой.

– Это Зариф Хаким, пустынный белый кречет, редкий сокол, – пояснил сокольщик. – Самый мудрый и зоркий из всех, что я встречал, а я повидал немало птиц! Хаким победил само время. Когда я поступил сюда на службу, он здесь уже не один год служил. Значит, ему сейчас сильно за полвека. Для птицы это долгий срок – всё равно что полторы сотни лет для человека. А наш кречет всё ещё в строю, обучает молодых соколят. Видел бы ты, как он крыло держит – загляденье! Такая стать! – старик бережно снял красный клобук.

– Кьяк-кьяк, – благодарно проклекотал Хаким. Сокол порывисто повернул голову, осмотрелся и выхватил взглядом новобранца.

Два чёрных зрачка, окружённые жёлтыми концентрическими кругами радужек, гипнотизировали, они буквально пригвоздили Улля к месту – рекрут не мог отвести взгляд. Раздался звук упавшего ведра. «Кажется, это я уронил», – подумал Улль и отключился.

* * *

В голове остался отголосок боли, словно послевкусие, по которому можно понять, что недавно ел, но самого вкуса уже не разобрать. Улль очнулся на жёсткой койке. Стену напротив украшал плакат: «Действия бойца при магической атаке». Серия картинок иллюстрировала непростой момент из жизни типового человечка в полевой форме.

«Определите тип атаки по поражающему воздействию и браслету-детектору УДМ-14М», – прочитал Улль под первой картинкой, где человечек, склонившийся перед набегающей волной неясной природы, сосредоточенно всматривался в показания браслета. «Используйте естественные укрытия и особенности рельефа», – форменный человечек уже лёг за пригорком, а чуть ниже была приписка: «учтите класс магии: рельеф местности не укрывает от магии класса “земля”, а стволы деревьев – от магии класса “природа”».

«При наличии используйте защитную плащ-палатку ЗППМ-35У», – прочёл дальше Улль и озадачился своей способностью читать мелкие буквы на таком расстоянии. Мысли не успели оформиться, как слева, за занавеской, послышался негромкий разговор:

– Это точно СПМП? – голос принадлежал заставному голове, генералу Маковару.

– Да, это несомненно спонтанное проявление магии природы шестого балла, – ответил невидимый собеседник, голосом заместителя заставного головы по магии Истария Буревеста.

– Точно шестого? – с надеждой и сомнением переспросил Маковар. Видимо, зампомаг кивнул утвердительно. – Эх! Такое не замять, а ещё эта жрица! Принесёт же её нелёгкая! Можно как-то всё это от неё скрыть, а затем, уже когда она отбудет, спокойно направить рапорт?

– Нереально, – ответил зампомаг. – Его аура бушует, такое от архимага не скрыть.

– Но ты тут придумай что-нибудь, поставим его подальше, авось пронесёт, – голос генерала удалялся, и раздался скрип закрывшейся двери.

– Ага, пронесёт, – саркастически ответил Истарий сам себе, – авось на верх-жрицах не срабатывает.

Занавеска сдвинулась в сторону, глаза Улля и зампомага встретились. Боец попытался встать, но слабость в теле сковала движения.

– Много услышал? – спросил Истарий, жестом указывая на койку, – лежи.

– СПМП шестого балла, – хрипло ответил Улль, прочистил горло и уточнил: – А что это значит?

– Это означает суету, – рассудительно ответил маг. – Иногда магия проявляет себя аномально. Такие случаи нужно изучать, тщательно протоколировать и отправлять подробный доклад в Академию. Потом оттуда прибудет экспедиция и будет тебя изучать. Поверь мне, когда тебя изучают надменные маги, это на деле намного неприятнее, чем звучит.

– А что со мной произошло?

Табуретка, стоявшая в углу лазарета, сдвинулась поближе, и Буревест сел на неё.

– Ты знаешь, что такое фамильяры?

– Ну, это такие магические животные, которые служат магам, – выдал Улль всё, что знал.

– Верно. Но не всякий маг отважится завести себе такого. Во-первых, это занимает много времени – нужно годами приручать животное, чтобы оно тебе доверилось. Во-вторых, нужен определённый уровень ментальной магии, что дано не всем. И, наконец, животное нужно убить, вложив в него часть своей души. Это самое сложное: мало того что магу нужно поделиться силой, так ещё его душа становится уязвимой через фамильяра. Поэтому не всякий маг подписывается на такое.

– Вы хотите сказать, что Зариф Хаким…

– Да, наш славный кречет стал твоим фамильяром, – продолжил мысль зампомаг.

– Я поделился с ним частью своей души?

– В том-то и дело, что нет, – озадаченно заметил Истарий. – Это Хаким отдал тебе часть своих природных сил и разделил с тобой свой дух. Нужно ли тебе объяснять, какой интерес вызовет у магов способ мгновенно обзавестись мощным фамильяром без побочных эффектов?

– Я думаю, они меня по кусочкам разберут, – мрачно согласился Улль. – Но почему это произошло?

– И тебя «разберут», и всю заставу перероют, – так же мрачно подтвердил маг. – Мало кто знает, но особо талантливых егерей мы специально обучаем, можно сказать, натаскиваем целевым образом, чтобы они смогли слиться с соколом. Это даёт бойцам особые навыки. После этого их принимают в эльфийский спецназ.

– Эльфийский?

– Раньше он был эльфийским, но сейчас туда берут по таланту, независимо от расы, – пояснил Буревест и продолжил: – Похоже, Хаким наблюдал за тем, как другие соколы, которых он обучал, становились духами и продолжали жить в новой форме. Видимо, со временем он сам захотел продлить свой век в виде фамильяра, но тщетно – мы-то считали его слишком мощной птицей, чтобы подчинить его человеку и не брали в разработку. По нашему «Зариф Хаким» – это «Наблюдательный Мудрец». Видимо, он что-то подметил из ментальной магии, разглядел в тебе эльфийскую кровь и слился с тобой. Но это всё мои догадки, даже на словах это звучит невероятно.

– Для меня это звучит как рабочее объяснение, – подытожил Улль. – Так значит, теперь у меня есть особые навыки? Какие?

– Сложно сказать, в какой степени они проявятся в твоём случае, – с докторской интонацией заметил Истарий. – Обычно это феноменальные зрение и слух, способность временно раздваивать дух и покидать тело, чтобы обозреть окрестности с высоты, природные навыки

магии класса «воздух», усиленное природное восприятие, чуйка, если по-простому, ну и множество вторичных эффектов.

– Что ж, это хорошие новости, – в голосе Улля зазвучал оптимизм. – Буду фокусироваться на этом. А что за жрица, о которой упоминал тащь егерьмейстер?

– Вот это верный настрой! – похвалил зампомаг. – Что касается жрицы… – стук в дверь прервал мага. – Войдите!

Дверь с силой распахнулась, и на пороге появился Тюр. Завидев очнувшегося друга, увалень расплылся в улыбке:

– Тащь зампомаг, разрешите обратиться к бойцу!

– Разрешаю! – одобрительно ответил Буревест. – У меня дел полно, а вы посудачьте тут. Пациенту полезно попасть в знакомое окружение, – зампомаг, также являющийся заставным целителем, дал врачебную рекомендацию и покинул лазарет.

– Ты тут провалялся три дня, – бесцеремонно и с ноткой зависти заметил Тюр, занимая освободившийся табурет. – А у нас вся застава стоит на ушах: скоро прибудет жрица Безымянной Богини – дозорную башню целиком перекрасили, брусчатку на плацу с мылом отмыли, даже гравий заменили, в газон новую траву воткнули, а пожухлую – зелёной краской покрасили. Из нарядов не вылезаем! А ты тут – везуха! На заставе судачат, ты теперь за версту видишь и в облаках витаешь!

* * *

Утро дышало свежестью, а из-за стен заставы доносилось пение утреннего хора птиц. На безупречно чистом плацу выстроился весь гарнизон, даже временно сняли дозорных с башни. Вдоль свежевыкрашенной жёлтой полосы периметра портального круга тревожно вышагивал Маковар – десять шагов в одну сторону, разворот, десять в другую. Тревожность главы передавалась всему личному составу заставы, застывшему в ровном каре по сторонам плаца.

– Скоро прибудет Верховная Жрица Безымянной Богини, – громко произнёс генерал-егерьмейстер. – Пусть её вид не вводит вас в заблуждение! Она – один из самых сильных магов нашего времени! Стратегический маг Империи! Жрица прибыла в столицу из Исконных земель и обладает редкой магией, которая позволит ей исполнить спецмиссию в Обсидиановых горах. Нам выпала честь проявить свою выучку, – Маковар строго осмотрел строй. – Жрица лично отберёт пять стрелков, которые сопроводят её во время миссии, и пять оруженосцев, которые помогут этим стрелкам. Участие в экспедиции добровольное. Если не уверены в своих силах, можете отказаться, – заверил заставный голова, хотя его взгляд указывал на обратное.

– Особую надежду я возлагаю на старослужащих, – Маковар обвёл взглядом передние ряды. – Учтите, жрица легко прочитает ваши мысли, поэтому выбросьте всю обычную чушь из ваших голов и думайте об уставе, о желании попасть на миссию или о том, какую пользу вы можете принести Империи! Так… Кажется, начинается!

Воздух над портальным кругом пришёл в движение, возникло марево, затем раздался хлопок, и на круге возник транспортный шатёр императора. Полог шатра раскрылся, и из него вышел архимонах гильдии навигаторов, объявив:

– Её божественное присутствие, Верховная Жрица Той, что дала имена всему сущему, но не нарекла себя, Безымянной Богини Творения и Сотворённого, прибыла!

Заставный голова скомандовал:

– Смирно! К торжественной встрече её божественного присутствия – товсь!

Затем он опустился на одно колено, все высшие офицеры заставы повторили его жест, а знаменосец преклонил знамя.

Прошла минута. Наконец из шатра вышла хрупкая фигура, целиком скрытая иссиня-чёрным магическим плащом. Капюшон плаща был настолько глубоким, что лица фигуры не было видно. Жрица огляделась и подошла к Маковару:

– Спасибо за тёплый приём. У вас тут довольно мило, можете подняться, – её мелодичный голос звучал мягко, но властно.

Генерал-егерьмейстер встал и скомандовал:

– Её божественному присутствию наше приветствие!

– Ур-а-а-а! – громогласно разнеслось над заставой.

– Ур-а-а-а! – второе «ура» эхом прокатилось над лесом до Васильковых равнин.

– Ур-а-а-а! – наконец, третье «ура» ветер донёс до самого Драконьего хребта.

Жрица лишь хмыкнула, повернулась к монаху-навигатору и что-то приказала. Тот скрылся в шатре и вскоре вышел с группой из шести юных магов и их наставника в походном облачении паладина. Затем монахи-навигаторы стали выносить опечатанные ящики со снаряжением миссии.

Тем временем жрица медленно шла вдоль строя. Наконец она что-то заметила и уверенно двинулась к дальним рядам бойцов – её божественное присутствие шла прямиком к Уллю.

Всё утро рекрут провёл в лазарете, где зампомаг щедро накладывал на него ауру исцеления. «Твоя аура уже почти улеглась, сейчас прикрою её своей, авось издали и прокатит», – приговаривал он. Не прокатило.

Когда тёмный створ капюшона остановился напротив него, Улль пытался думать об уставе и пользе для Империи, но безуспешно. В голову лезли слухи о жрице, которые ходили по заставе несколько дней: что ей триста лет, что у неё жёлтые огненные глаза, а её взгляд парализует – фантазия рисовала жуткие образы.

Жрица подняла руку и сняла вуаль, скрывающую её лицо. Улль невольно ахнул: из глубины капюшона на него смотрело юное девичье лицо, очень красивое, немного озорное, с лёгкой капризинкой в едва вздёрнутом носике. А глаза оказались голубые, как васильки, растущие на равнинах неподалёку от заставы.

– Сплетни обо мне уже устарели. Сейчас в ходу мифы и легенды, – весело заметила жрица.

«Невозможно так выглядеть в триста лет, – лихорадочно размышлял Улль, – похоже, это какая-то магия, иллюзия».

– Здесь нет никакой иллюзии, – расхохоталась жрица. – Я как вино: время не может ничего у меня отнять, оно только даёт и обогащает меня новыми смыслами!

Растерянный Улль не знал, что ответить.

– А ты интересный случай, – жрица всматривалась в рекрута. – Слегка эльф, с талантами в магии воздуха и с роскошным фамильяром, который сделает честь даже гранд-мастеру магии контроля. Ты сплошная головоломка! Ваш целитель очень заботлив, за этой аурой исцеления я тебя чуть не проглядела.

Было заметно, как жрица пытается что-то разглядеть в рекруте, но безуспешно. Наконец она бросила это занятие:

– Беру этого! – громко заявила жрица и указала мизинцем на Улля. – Тебе нужен помощник-оруженосец. Сам выберешь или тебе подобрать?

Сбоку раздалось настойчивое мычание Тюра. Улль скосил на него взгляд, а жрица повернулась к увальню:

– Твой товарищ? – присмотрелась она. – Ага, он тоже с сюрпризом, любопытная аппликация. Неплохой союз вырисовывается: сокол и лютоволк!

– Кречет, – едва слышно поправил Улль.

– Кречет? – переспросила жрица с вызовом. – Хотя верно, эльфийский кречет с этой заставы стоял на магическом учёте как уникальный магзверь, – жрица задумалась. – Это многое

объясняет, любопытно. Хотелось бы подробнее рассмотреть твою ауру, но мне ещё четырёх стрелков подбирать. К тому же, когда чары исцеления развеются, мне будет проще.

* * *

Заканчивался уже третий день их экспедиции. Под пологом леса темнело быстро, поэтому с ужином торопились. К счастью, по пути Улль успел подстрелить упитанного кабанчика – благодаря своей новой чуйке он всегда знал, где искать зверя. Это был первый день, когда они собирались ночевать прямо в лесу; до этого останавливались в охотничьих заимках, обустроенных вокруг заставы.

Кинув шнобзак у крупного ствола недалеко от костра, Улль достал свой новый магический лук – уникальное оружие, лучшее из тех, что люди смогли создать без прямого вмешательства богов. Каждый стрелок миссии получил по такому. Бережным движением Улль снял тетиву с лука, осмотрел её и принялся натирать воском.

Чуть поодаль стайка юных магов расселась вокруг Бурана Сталегарда, имперского паладина, приставленного к детишкам, чтобы оберегать и наставлять их. Юнмаги, как обычно, донимали наставника вопросами.

– А почему асаки такие плохие? – спросила особо бойкая девочка. – Почему они нападают на нас?

– Когда-то, очень-очень давно, много веков назад мы были одним народом, – начал свой сказ Буран. – Жили мы мирно, каждый из нас старался делать благо себе, родным и друзьям. Тогда-то к нам пришли странники джады и молвили: «Вы славный народ, искусные мастера, но вам не хватает справедливости! Когда вы обмениваете одни блага на другие, одному достаётся больше, чем другому, потому что у вас нет мерила благ».

Наши старейшины всегда ратовали за справедливость, поэтому спросили: «Как же нам сделать обмен честнее?» Тогда джады предложили нам злато, ведь его проще отмерять. Прислушались наши старейшины к совету странников и стали использовать злато джадов как мерило благ.

Долго ли, коротко ли, но прошло время, и джады снова обратились к старейшинам: «Вы славный народ, у вас много благ, а злата мало, его не хватает для обмена всех благ. Давайте использовать обещание злата как само злато». Подумали наши старейшины и решили, что обещание – это слово, слово – это мудрость, а мудрость – это благо. И согласились.

Долго ли, коротко ли, но прошло время, и народ пришёл к старейшинам с вопросом: «Как так выходит, что мы работаем на благо, а всё благо у джадов, и злато у джадов, и ещё должны мы им?» Присмотрелись старейшины и увидели: так и есть – благо у джадов, злато у джадов, и ещё должны им. Стали проверять дела джадов – вроде каждое дело правое, а в итоге выходит обман. «Как так получается?» – спросили старейшины у джадов. «Вы ничего не делаете, а имеете?»

А те отвечают: «Это наше особое искусство обмена обещаниями злата, что умножает нам и блага, и злато».

Старейшины вопрошали: «Так научите нас этой магии».

«Нет, – ответили джады, – вы верите в своих богов, а мы верим в одного бога истинного. Вот если вы поверите в нашего бога, то передадим вам его мудрость».

Задумались старейшины и спросили себя: «Будем ли мы менять наших богов на того, кто учит искусству обмана?»

В тот день разделились старейшины: одни сказали – «Нет, останемся верны своим богам», другие сказали – «Да, времена текут как река, и мы будем меняться с этими временами, откажемся от старых богов».

С тех пор мы стоим как скала, а асаки текут как река, и нет меж нами мира!

– Но как же имперские золотые? – спросил рассудительный мальчик в очках. – Мы же продолжаем пользоваться златом?

– Верно подметил, – согласился паладин. – Запомните: золото – это лишь металл, ценным его делает только наша вера в его ценность. Деньги и власть основаны на вере, но они не должны заменять её. Верить нужно во что-то святое! Когда люди верят в злато, они умножают не благо, а злато. Но если люди верят в благо, то золотой блеск им не страшен – он не собьёт их с верного пути!

Когда морок джадов развеялся, старейшины сразу разглядели суть их обмана. Объясню на простом примере. Вот, допустим, приходит джад к стрелку и говорит: «У тебя есть лук, но нет стрелы. Вот тебе стрела, но ты будешь мне должен один золотой. Теперь иди подстрели кабана, продай его за четыре золотых и верни мне два из них». Вот идёт стрелок на охоту, убивает кабана, продаёт его, и у него теперь два золотых, и у джада два – вроде всё правильно, честно?

Дети согласно закивали. Тогда Буран продолжил:

– Но если стрелок не такой искусный, как наш Улль… – услышав своё имя, Улль отвлёкся от тетивы, улыбнулся паладину и детишкам. Буран продолжил: – …и тот стрелок не попадает в кабана и теряет стрелу! В итоге у него снова ничего нет, так он ещё и должен один золотой! Почему он пострадал от сделки, которую мы только что признали честной?

Дети озадаченно молчали, переглядываясь между собой. Рыцарь не стал затягивать с ответом:

– Обман сделки кроется в том, что удача делится на двоих, а неудача достаётся лишь одному. Это суть искусства джадов – жульничество с рисками, а магия крылась в том, чтобы наводить морок, который мешает разглядеть несправедливость сделки! Учитесь бороться с мороком: если нечто обещает обернуться большой удачей, приглядитесь – возможно, блеск этой удачи и есть морок, скрывающий от вас риски; напротив, если что-то пытается нагнать на вас страху, то это тоже может быть морок, укрывающий от вас возможности!

Таким образом, вовремя подметив, что ужин уже готов, паладин подвёл мораль своей истории.

Тем временем егеря заботливо нарезали лучшие куски кабанчика на удобные для детишек ломтики, добавили печёные овощи с приправами и щедро разложили всё это по походным мискам юнмагов. Дети дружно достали свои походные дневники с деревянными обложками и стали использовать их как подносы. Ловко орудуя серебряными вилочками, они чинно приступили к трапезе. На их фоне бойцы, срезающие мясо охотничьими ножами прямо с туши, выглядели дикарями.

Жрица ужинала в своём шатре – её магический плащ обладал способностью трансформироваться и на этой стоянке превратился в шатёр. Бывалые егеря спокойно отнеслись к этому чуду, но Тюр и Улль были поражены, когда жрица сбросила плащ, и тот внезапно развернулся в просторную конструкцию.

* * *

На следующем биваке Улль заступил в дозор когда наступила глубокая безлунная ночь. Угли костра едва тлели, но их запах всё ещё отпугивал лесных животных. Старшина егерской группы поначалу с недоверием относился к способностям новичков: как-никак, Улля и Тюра поспешно приняли в егеря прямо накануне экспедиции, и вместо полнолуния на церемонии присяги им "светило" её божественное присутствие. Однако за пару дней егеря-новички показали себя с лучшей стороны. На перевале кряжа Тюр продемонстрировал недюжинную силу, удержав одного из оступившихся мулов, который едва не скатился со склона. В свою очередь,

Улль проявил отличные навыки охотника и следопыта, именно поэтому старшина поставил его в дозор, когда ночь была особенно тёмной.

Над вязом бесшумно пролетел филин, но чуткий дозорный приметил этот полёт. От ствола дерева доносился едва ощутимый ритмичный шум – это мелкий грызун подтачивал корни у основания ствола. Ветер принёс тонкий запах крови: охота лисицы увенчалась успехом. Небольшая стая волков на отдалении вынюхивала мулов их отряда, пасущихся на лесной лужайке, но запах людей и костра отпугивал хищников. Бывалые егеря спали бесшумно, один лишь Тюр безмятежно похрапывал, а дети тихонько сопели в шатре жрицы. Благодаря новым способностям Улль получил возможность "читать" лес и теперь учился этому: раньше ночной лес пугал юношу, но сейчас чувство контроля ситуации превратило лес в дом, где можно предаться безмятежности.

Вдруг Улль ощутил чьё-то присутствие совсем рядом, прямо за своей спиной. От неожиданности он даже вздрогнул, но тут же вскинул лук и наложил стрелу. Краем глаза егерь-новичок заметил красное платье среди стволов – жрица.

– Осторожнее с этой штукой, – тихо сказала девушка. – Удивительно, как ты меня заметил: я наложила шумоподавление, ужала свою ауру, слилась с тенями.

– Рядовой егерь Улль на посту, – так же тихо отрапортовал парень. – Происшествий нет… не было.

– Вижу, чутьём ты овладел, – Улль почувствовал, как тень осматривает его. – Но, похоже, раздваивать сознание ты ещё не научился. Вижу блок на твоей ауре – поэтому я здесь.

Рука волшебницы выпустила стайку огоньков, которые слегка рассеяли тьму.

– Ложись, – приказала жрица, указывая на траву у дерева. Сама она села, прислонившись к стволу. – Клади голову мне на колени.

Молодой егерь в нерешительности застыл.

– Ну же!

Наконец затылок егеря ощутил тёплую упругость бедра жрицы. Улль старался не смотреть на грудь прямо перед ним, но абстрагироваться от неловкой ситуации не получалось.

– Закрой глаза, попробуй уснуть.

– Не могу, – ответил Улль. – Я на посту.

– Расслабься, – требовательный взгляд жрицы сверкнул совсем рядом. – Я поставила магическую завесу, я прослежу за лесом, а ты спи. Это приказ!

Закрыв глаза, егерь попытался отвлечься, но мягкие кисточки, украшающие пояс платья девушки, щекотали его правое ухо. «Если я просуну руку "туда", – подумал Улль, – это можно будет понять неверно, но и так не заснуть. Дилемма».

– Моя богиня, какой робкий боец, – беззлобно проворчала девушка и поправила пояс. – Забыл? Мне триста лет, всякого повидала, – волшебница вскинула руку. – Сейчас ты заснёшь.

Парень был уверен, что не сможет забыться в такой ситуации, но чтобы подыграть требовательной жрице, плотно закрыл глаза и пролежал так минуту.

– Простите, ваше божественное присутствие, ничего не получается. Я так не смогу заснуть, – признался он, открыв глаза.

– Хорошо, – девушка не стала спорить. – Вставай!

Молодой егерь одним движением поднялся на ноги, но ему показалось, что он стал выше. Улль посмотрел вниз и увидел себя, лежащего с головой на коленях жрицы. От увиденного голова пошла кругом, он попытался опереться рукой о ствол, но вместо руки оказалось крыло. Он взмахнул крыльями раз, другой – и вскоре оказался над деревьями.

Ясное небо вверху было усыпано звёздами, Улль парил среди них.

«В другой жизни я хотел бы летать среди звёзд, – подумалось ему. – Я чувствую себя здесь, словно вернулся домой, я рождён для этого!»

Лес внизу простирался тёмным ковром, но глаз кречета приметил огоньки жрицы. Девушка смотрела вверх, провожая птицу взглядом. Крылья уверенно ловили потоки ветра, а тёмное море леса колыхалось внизу. С такой высоты Улль разглядел на востоке ломаный силуэт Драконьего хребта; верхушка самой высокой вершины сверкала розовым – это от неё отражалась будущая заря.

– Открой глаза, – совсем рядом прозвучал голос жрицы.

Не успев подумать, как открыть открытые глаза, Улль раскрыл ещё одни. Взгляд раздвоился, а голову накрыла тупая боль. Невольным движением правой руки егерь хотел было взяться за лоб, но ладонь упёрлась во что-то мягкое. Улль пощупал, что это. «Боже! Это грудь, я ухватил жрицу за грудь», – шокирующая мысль потрясла его спутанное сознание. В это же время подсознание вторило: «приятную, упругую и полновесную грудь».

Шок быстро прошёл, но Улль уже видел мир двумя парами глаз, а голова ещё ныла. Он прикрыл глаза – боль утихла, а в сознании осталась лишь одна картинка со звёздным небом и горами. Осторожно открыл глаза снова – добавился новый ракурс с видом на грудь жрицы и её подбородок. Где-то далеко вверху среди звёзд Улль разглядел светлый силуэт кречета.

Жрица опустила голову и посмотрела на егеря:

– Попробуй встать и выстрелить из лука по птице, – предложила она.

– Прямо в кречета?

– Нет, рядом, так чтобы кречет успел поймать стрелу.

Идея понравилась парню. Он азартно поднялся, вскинул лук и, пустив стрелу, проводил её взглядом. Уже глазами кречета он приметил её в полёте, чуть повернул шею и клацнул клювом прямо по древку. Получилось! Птица ловко перехватила стрелу когтями и устремилась к хозяину. Две точки зрения сближались друг с другом: птица со стрелой и егерь с вытянутой рукой. Вспышка! И вот Улль только лишь своими глазами видит недавно пущенную стрелу в своей руке.

– Чудесно! – жрица встала и отряхнулась. – Не ожидала, что справлюсь так быстро. Было даже забавно, меня давно так неуклюже не хватали за грудь.

Парень густо покраснел:

– Простите, ваше божприсутствие, – неловко пробормотал он.

– Иди поспи, – жрица словно не слышала его лепет. – Но сначала разбуди своего крупного товарища. Как его?…

– Тюра? – с недоумением уточнил Улль.

– Да, его, – ответила жрица, пояснив: – У него есть чутьё лютоволка, но оно дремлет, очень похоже на твой случай. Немного подправлю его ауру, и он будет ощущать присутствие магии лучше любого мага-сканера. Собственная аура у магов слегка их слепит, а твой друг лишён этого недостатка – такое исключительное чутьё будет очень полезно нам всем.

– Есть! – отрапортовал егерь и двинулся на звук знакомого храпа. Где-то в глубине души он ощутил укол ревности, и это злило его.

* * *

Дорога ощутимо поднималась в гору. Их экспедиция двигалась по какому-то заброшенному тракту: иногда это помогало, но порой брусчатка превращался в одиноко торчащие из земли булыжники. Такие участки приходилось обходить сквозь заросли кустарника и травы. Их караван продвигался медленнее, чем обычно; даже дети не успевали устать и почти не садились на мулов. Однако предводительницу экспедиции такой темп устраивал – казалось, она что-то высматривала.

Наконец, на обочине дороги жрица нашла остатки каменного столба. Тогда их колонна остановилась на короткий привал на поляне рядом. Сбросив накидку, жрица встала прямо на

дороге напротив столба и начала медленный танец. Движения девушки были размеренными и чёткими, в то же время в них чувствовались покорность и нежность. Уллю казалось, что этим танцем жрица приносит извинения и просит о содействии.

– Какая красота! – с придыханием воскликнул Тюр. – Ты видишь, Улль?

– Да, красивый танец, – признал Улль.

– Да нет же, – Тюр не отрывал глаз от жрицы. – Она творит магию, её движения постепенно создают магическое здание, как бы вытягивая его из валунов по сторонам дороги. Кажется… – увалень присмотрелся, – Да! Она строит ворота!

Никаких ворот Улль не видел, но верил словам друга, так как Тюр не умел притворяться, а фантазия у него была не слишком богатая.

– Ты видишь? – с удивлением спросил у Тюра паладин, всё это время стоявший с детишками рядом. – Удивительно! Это очень тонкая магия, её видят очень немногие. Жрица рассказывала мне о твоём чутье, она его уже пробудила?

Всё ещё наблюдая за танцем, Тюр кивнул утвердительно.

– Поздравляю! Это очень ценный навык, – уважительно сказал паладин, а затем повернулся к детям и негромко пояснил: – Сейчас вы видите одну из самых сложных магических практик. Вы уже умеете колдовать жестом и словом, а также записывать магические формулы в свитки. Но магическая хореография – это магия, создаваемая всем телом. Сложнее неё только групповые заклинания.

– А какое заклинание творит магистресса? – тихо спросила одна из девочек.

– Она обращается к архаичному богу, чтобы тот впустил нас на свои владения.

– А что это за бог?

Паладин не успел ответить, так как Тюр радостно воскликнул:

– Они открываются! Ворота открываются!

Танец девушки был закончен. Усталой походкой она двинулась к зрителям, а её верная накидка мягко упала на плечи хозяйки.

– Через десять минут выходим, – приказала жрица, сделала пару шагов и вдруг повернулась к Тюру: – Я рада, что ты можешь видеть, но в следующий раз смотри молча – твои крики мешают концентрации.

Весь остаток дня увалень молчал, хотя его товарищ замечал, как нелегко это даётся говорливому Тюру. Только ближе к вечеру, когда жрица попросила Улля найти место для ночёвки, парень выпустил кречета, а Тюр воскликнул:

– Ух ты!

«Всего одно восклицание? – подумал Улль. – Как-то маловато для весёлого Тюра. Нужно будет как-то его подбодрить, совсем приуныл».

С птичьей высоты егерь заметил, что лес уже почти закончился: дальше шли одинокие деревья и кустарники, жмущиеся к камням. Их тракт поднимался по склону пологой горы и через пять вёрст выходил на узкое ущелье с небольшой зелёной долиной. Если поторопиться, можно было успеть дойти до уютной долины, пока солнце ещё не скроется за пиками вдали.

* * *

После ужина дети, как обычно, наседали на наставника:

– А к какому богу обращалась жрица? – всё допытывалась девочка. – К Безымянной Богине?

– Нет, с Богиней она всегда связана, – терпеливо отвечал Сталегард. – Это иной бог, более нелюдимый, отшельник с непростым и строгим характером. Когда придёт время, жрица расскажет о нём.

Детишки лишь покорно вздохнули.

– Наши боги слишком похожи на людей, – вдруг вмешался Тюр. – Одни суетятся, другие конфликтуют, скрываются. Нет в них гармонии, что ли. Сплошные интриги и склоки. А единый бог, как у джадов – всесильный творец, вызывает доверие что-ли…

У костра повисло молчание. Лишь огонь весело потрескивал, пережёвывая поленья, и его искры замысловато взмывали вверх, надеясь присоединиться к звёздам наверху. Однако легковесные огоньки были обречены гаснуть, не исполнив свою мечту.

«Зря я его успокаивал весь вечер, лучше молчал бы, – мысленно сокрушался Улль. – Ляпнуть такое!»

– Ты сейчас серьёзно или тешишься, – подсказал другу Улль выход из положения.

– Я серьёзно, – невозмутимо заявил Тюр, – ну сам подумай…

«Надеюсь, жрица не слышала этого», – подумал Улль.

Голос жрицы развеял его надежды:

– Люди часто бывают глупы, а особенно глупы, когда рассуждают о богах! – к всеобщему облегчению, тон жрицы был скорее наставительным, чем осуждающим. – Может ли один воин победить армию? – спросила она.

Все закивали отрицательно, и Тюр, наконец осознав, что влип, обречённо ответил:

– Нет, не может.

– А может ли армия выступать как одна единая сила?

– Да, конечно, – сказал он. – В этом и суть армии.

Даже старшие егеря закивали в подтверждение у своего костра.

– Создание Вселенной – это война с Пустотой, – продолжила жрица. – Наш Бог явился на неё не в одиночку, а армией. Бог способен принимать любые формы и достаточно мудр, чтобы разные задачи поручать разным своим проявлениям. Он специально делает их человечными: через них Бог понимает, что значит быть человеком, понимает наши мечты и заботы. Может ли тот, кто никогда не голодал, понять того, кто голоден?

– Нет, не может, – снова согласился Тюр, но тут же возразил: – Однако все эти склоки между богами в мифах… получается, Бог спорит сам с собой?

– Да, таков путь истины, – пояснила жрица. – Каждый наш бог, это мысль Единого Бога! Споры богов – его размышления, а мифы даны нам, чтобы мы могли понять, как мыслил Бог, устраивая наш мир. Изначально Бог был един и творил мир по своему разумению, но ему не нравился результат. Он пробовал раз за разом и не получал того, чего хотел. Вскоре он понял свою ошибку, ошибку одиночества: когда Бог замышлял мир, он сразу же размышлял, как будет его строить, и в итоге получал не идеальный мир, а мир, который легко воплотить. А когда творил мир, то по ходу придумывал, как его улучшить, – таким образом сильно отклоняясь от идеального плана. В итоге Бог решил разделиться на Бога Отца и Безымянную Богиню. Бог Отец – это воля, замысел, он задумывает идеальные образы, которые воплощает Богиня. Как мужчина и женщина, мы в этом подобны Богу: замысел и создание отделены друг от друга и не влияют друг на друга.

Но когда была выделена Безымянная Богиня, она уже несла в себе дитя, которое родилось вместе с ней – это бог Чур, таким образом он ей и сын, и брат. Сила Чура в том, что он отделяет одно от другого, ведь если нет границ, то нет ничего – границы порождают разнообразие. Суть Чура – это Множество, а множество – основа знаний, зерно, из которого начинается творение мира. Другое имя Чура – Терминус, так как термины отделяют одни понятия от других, создавая между ними границы. Когда единый Бог задумал разделиться, Богиня воплотила его замысел, породив первую границу в виде Чура – бога границ.

Так достигается гармония: Бог Отец делится идеальными замыслами, Богиня их воплощает, а Чур следит, чтобы созданное оставалось в своих идеальных границах. Богиня имеет право давать имя лишь тому, что она создала, а Бог Отец не создаёт конкретных форм, то есть

имён. Поэтому у Богини нет имени, её называют Безымянной или Первородной, а Чур – это первое имя, которое было дано, поэтому его иногда зовут Первозванный.

У Чура очень тяжёлая ноша: он должен быть свободен от пристрастий и эмоций, его нельзя уговорить сдвинуть границу или сменить смысл слова. Чтобы сделать что-то подобное, люди должны пожертвовать чем-то ценным, обычно жизнью. И если жертва будет весомой, то Чур благословит новые границы или понятия, дав новые знания.

В далёкой древности Чур общался с богами и людьми, все его очень любили, и он тоже полюбил девушку, её звали Энтропия. Но она умерла, тогда Чур поддался слабости и слегка сдвинул границу Жизни и Смерти, вернув свою любимую. Вскоре он заметил, что его сдвиг породил щель в мироздании, через которую в мир проникло нечто ужасное – Хаос. Заглянув в эту брешь, Чур увидел там нечто ещё более ужасное и был вынужден вернуть границу Жизни и Смерти на место. Но Хаос успел даровать Энтропии бессмертие, и граница вернулась на прежнее место неплотно, образовав Зазор Мироздания, который был спрятан в сосуде, который хранит дочерь Чура – Случайность, но это уже другая история. Потом Энтропия предала Чура, отдавшись Хаосу, и с тех пор Чур решил жить отшельником, отгородился ото всех…

– Стал чураться? – предположила одна из девочек.

– Верно, – усмехнулась жрица. – Стал чураться. Теперь он равнодушен ко всем уговорам и просьбам, бесчувственен как кто?

– Как чурбан, – весело предположил хор детей.

– Верно! – подтвердила жрица. – Мы все помним и почитаем Чура, хоть и не всегда это понимаем, – сказала она громко, так чтобы её услышали горы вокруг.

Оглядевшись, чтобы убедиться, что её слушают все члены экспедиции, жрица продолжила:

– Целью нашего путешествия является Храм Чура, который находится в жерле остывшего вулкана по имени Пращур. Сегодня Чур впустил нас в свои Первые врата, и сейчас мы на границе его владений. Если пройти по древнему Терминальному тракту, не входя во врата, то в конце пути нас будет ждать пустое жерло Пращура – мы не попадём в ту реальность, где находится Храм. Нас должны впустить.

– То есть эти реальности как бы наложены друг на друга? – не сдержав любопытства спросил Улль.

– Да, – подтвердила жрица. – Чур виртуозно управляет всеми возможными границами, поэтому может не только разделять, но и совмещать. – Жрица наложила одной свою ладонь на другую.

– В центре Храма, – продолжила она, – находится Обелиск Чура – магический механизм, который охраняет нашу империю от магии джадов. В столице асаков находится Исток Морока, который распространяет своё влияние далеко за границы асаков. Обелиск нас оберегает от этой магии, но сейчас он слабеет, поэтому мы должны его перезарядить. К сожалению, жрецов Чура давно уже нет, и древний бог никого к себе не пропускал. Сегодня я передала ему просьбу Богини, и он прислушался к уговорам своей матери и сестры.

– А что делает магия джадов? – спросил мальчик в забавных очках.

– Это магия Хаоса, она расчеловечивает всех, кто не принимает бога джадов.

– Расчеловечивает? Это как?

– Это морок, под действием которого, глядя на другого человека, вы будете видеть уродливое чудовище, – объяснила жрица.

– Он будет с рогами и бородавками? – спросила бойкая девочка.

– Нет, всё гораздо тоньше, – грустно усмехнулась волшебница. – Вот ты, как я помню, боишься жаб? Они кажутся тебе мерзкими и противными?

– Да, – лицо девочки исказилось от презрения.

– Но когда другие жабы смотрят друг на друга, то, вероятно, считают себя красивыми, а глядя на людей, видят в нас уродливых великанов с противной гладкой и сухой кожей. Таким образом, мы с жабами, глядя на одно и то же, испытываем разные чувства.

Так и люди под мороком джадов: глядя на таких же людей, как они сами, видят не людей, а мерзких монстров, которых хочется уничтожить. Когда магия спадает, они не могут понять своего отвращения и часто жалеют о своих бесчеловечных поступках.

Теперь вы должны понять важность нашей миссии: если морок опустится на нашу империю, на Теотропию, люди возненавидят друг друга, и мы будем обречены. Сейчас наш маленький отряд спасает Теотропию, и нас ждут испытания. Для особого ритуала восстановления обелиска мы должны не спать три дня, поэтому сегодня мы все обязаны хорошенько выспаться! Сегодня отдыхать будут все – без дозорных. Не беспокойтесь, я создам сторожевого голема. Это одна из магических формул Чура, и здесь её необычайно легко творить. А теперь всем спать!

Весь отряд сомкнул глаза, в том числе, находясь на дне горного ущелья, на мягком пологе зелёной долины, заснули жрица и Уль. В то же время…

Орбитальная магистраль А-8, рейд-крейсер «Наутилус-127»

2328.10.05:09:02·ЗВМ

В медотсеке космического рейд-крейсера Нау-127 капитан Ник·То и его компаньонка, талантливая кибермонгерша Ли·Ла, пробудились.

Привычно очнувшись после гипновирта, Ли потянулась. Боковая створка медкапсулы плавно отъехала в сторону, позволяя ей сесть. Четыре дня назад кибермонгерше сделали сложнейший курс нейроопераций, и сейчас шёл период восстановления. Продвинутая капсула научного уровня круглосуточно направляла процесс приживления новой конфигурации имплантов монгершы.

Рядом, в более простой медкапсуле стандартного флотского образца, находился Ник. Он не был болен, его капсула использовалась для погружения в гипновирт, так называли практику, когда имплант помещает человека в осознанный сон с управляемым виртуальным окружением и направляет сновидения. Как заметил Ник, на флоте не очень жалуют такой формат: служба отдельно, сон отдельно – офицер не должен «спать на посту». К тому же исследования показали, что осознание ответственности во время виртуального сна снижено, что неприемлемо для военной службы, хотя вполне подходит для онлайн-игр.

Не привыкший к управляемому сну, Ник долго приходил в себя после гипновирта, и Ли решила пока не тревожить его. Встав на ноги, она направилась в душ. Конечно, после стерильной медкапсулы гигиенические процедуры были излишни, но девушке просто захотелось ощутить на себе бодрящие струи воды.

Сразу после операции Ник не мог скрыть своей тревоги, часами сидел рядом с ней в медотсеке. Чтобы как-то скоротать это тревожное время и избежать бесконечных вопросов: «Как ты?», Ли предложила сыграть вместе с ней в «Богов». Раньше Ник всегда отказывался, но, отвечая пациентке томящейся в медкапсуле, он не смог сказать «нет».

Вода приятно массировала плечи, ласково текла по спине, груди… Ли вспоминала, как сама начала играть в «Богов», с тех пор прошло почти пять лет.

Это был очередной взлом корпората – опытного и осторожного. Доступ к его данным обеспечивала клавишная матрица, с которой он не расставался. Единственным способом взлома была подмена адреса устройства за секунду до того, как будет введён код. Поэтому Ли проникла в домашнюю сеть корпората и дни напролёт следила за ним через камеры, ожидая, когда тот наконец введёт ключ.

Корпорат не спешил делиться кодами, убивая время за просмотром сериала «Хроники Теотропии». Наконец, на третий день, его вызвали, он достал матрицу, и Ли взломала её – всё прошло успешно. Однако через день после взлома кибермонгерша поймала себя на мысли, что ей стало интересно, как поступит богиня Эрна с неверным богом Кафом. Так, наблюдая за своей жертвой, Ли "подсела" на сериал. Когда сезон закончился, она узнала, что продолжение сюжета можно узнать в многопользовательской онлайн-игре «Теотропия». Поборов свою брезгливость, Ли «выпотрошила» клиент игры, закрыв в нём десяток уязвимостей, и влилась в мир Теотропии.

Исправленным клиентом Ли поделилась с разработчиками игры, а те в благодарность подарили ей уникального персонажа. Позже выяснилось, что игровой процесс можно совмещать с тренировками на тренажёрах, делая их не такими обременительными… Так у Ли появилась новая привычка.

Игра быстро стала успешной. К ней даже подключились демы – сначала на отдельных серверах, а затем произошло эпичное слияние миров. Это был первый случай, когда космики, постимперцы и демы неформально включились в общий культурный контекст. Шумиха в СМИ только добавила популярности всесолярной игре. Так как к Теотропийской Империи добавились владения Асаков – Великая Асакия, игру сначала переименовали в «Битву богов», но позже решили отказаться от слова «битва» в пользу менее конфликтного и более лаконичного – «Боги».

Ли не любила ионную сушку – ей больше нравилось вытираться мягким полотенцем, которое убирало влагу, но меньше сушило кожу. Да, это дольше, но она никуда не спешила. Когда девушка вышла из душа, Ник, сонный, сидел на краю своей медкапсулы.

– Ты как? – зевая, задал он свой надоедливый вопрос.

– Лучше всех! – привычно парировала Ли, поспешив сменить тему. – Мы сегодня хорошо сыграли!

Когда Ник наконец согласился подключиться к игре, Ли с воодушевлением взялась за планирование характеристик его персонажа. Зная таланты своего парня и досконально разбираясь в нюансах игры, она детально спланировала его будущую игровую жизнь. Разумеется Ли хотела играть вместе с Ником, но её персонаж достиг такого положения в игровом обществе, что присутствие героя с низкими навыками в её окружении было недопустимо. Следовательно героя Ника нужно развить как можно быстрее!

Изначально Ли играла на «Исконных Землях» – так назывался земной сегмент игры. Однако, покинув Землю, она больше не могла там играть из-за световых задержек сигнала. Поэтому ей пришлось запросить перевод своего персонажа на основной игровой кластер «Теотропия», находившийся на Поясе. Обычно такой трансфер занимает мало времени, но так как её персонаж был ключевым, для его перевода потребовалось скорректировать задания других игроков и составить специальный сценарий, который не нарушал бы естественный ход событий игры. В итоге, путешествие Верховной Жрицы Безымянной Богини из Исконных Земель в Эпиклион – столицу Теотропии, заняло больше месяца. Поскольку игровой день длился четыре часа реального времени, в оффлайне прошло всего около недели.

Ближайшей целью для персонажа Ника стало назначение в эльфийский спецназ, это гарантировало быстрый прогресс героя. Однако путь в спецназ лежал через егерскую ветвь развития, а для этого сначала нужно было попасть в егеря и освоить начальные навыки магии

воздуха. Перк «пустынный эльф-полукровка», хоть и стоил недёшево в начальных очках навыков, давал важное преимущество – сродство с магией. Но главное, этот перк открывал доступ к секретному квесту – «Белый Кречет».

Ли была членом Совета Мастеров Игры Исконных Земель, поэтому её иногда просили протестировать секретные квесты в других игровых сегментах. Именно так она узнала о «Белом Кречете». Этот квест длился уже почти пять лет, и, похоже, о нём забыли все геймастера. Птица, связанная с заданием, успела абсурдно состариться. Такой шанс упускать было нельзя.

Финальным штрихом стало имя игрового персонажа. Ли предложила взять имя «Улль» – оно не только звучало внушительно, но и имело «божественные» бонусы к навыкам стрельбы из лука, а также усиливало умения охотника и следопыта. Мало кто знал об этой скрытой особенности игры, и Ли рассчитывала, что это сделает персонажа Ника идеальным кандидатом в егеря и значительно повысит его шансы на успешное выполнение секретного квеста.

На основной медкапсуле загорелся жёлтый индикатор – пациентке пора было возвращаться. Чмокнув капитана в сонную щёку, она наскоро позавтракала безвкусной, но должно быть полезной едой и послушно вернулась в капсулу. Едва герметичная створка закрылась за девушкой, в медотсек вкатил стюард-бот с чашкой кофе для Ника. Так как Ли нельзя было пить кофе по медицинским соображениям, Ник решил не соблазнять её кофейными ароматами и приказал боту подождать, пока она не вернётся в капсулу.

«Да, это была неплохая игра», – мысленно согласился Ник. Сначала он играл без особого энтузиазма, просто поддерживая Ли, но постепенно втянулся и начал получать удовольствие. Самым сложным оказалось правдоподобно отыгрывать своего персонажа. После полного погружения в сказочный мир требовалось постоянно следить за тем, чтобы его поступки и слова соответствовали игровому лору. Ли пояснила, что за качественный отыгрыш полагается бонус к получаемому опыту.

Первое время ошибки следовали одна за другой. Например, когда егерь-рекрутер спросил:

– Каким оружием владеете?

По флотской привычке Ник ответил:

– Я канонир 1-го разряда.

Егерь сделал вид, что не расслышал:

– Луком владеете? – спросил он.

– Да, – соврал Ник с подсказки Ли.

К счастью, на начальных уровнях игра была снисходительной к новичкам.

Чтобы погрузиться в мир игры, Ник вместе с Ли посмотрели несколько серий сериала «Боги», который снимали прямо в игре. Сюжет сериала в основном разворачивался вокруг отношений девушки Вессы и воина Биора. Ли пояснила, что Весса была внебрачной дочерью бога Кафа. Три сезона назад ревнивая богиня Эрна, жена Кафа, подстроила гибель матери Вессы и прокляла девочку. Несмотря на это, Весса выросла доброй, красивой и мудрой. Когда её полюбил могучий воин Биор, она долго не отвечала ему взаимностью, опасаясь, что проклятие Эрны падёт и на её избранника. Несколько месяцев она служила в храме Эрны, надеясь на прощение. Благодаря доброму сердцу и острому уму, Весса сумела заслужить расположение своенравной богини, и та, смилостивившись, подарила Биору своё божественное кольцо, чтобы он мог сделать предложение. Все с нетерпением ждали грандиозного финала многолетней сюжетной арки.

Благодаря природному обаянию актрисы, игравшей Вессу, и харизматичному Биору, мир Теотропии легко захватывал зрителей и не отпускал до самых титров. Съёмки сериала проводили в гибридной технике: на одной из станций был построен полный макет Эпиклиона. Игроки «Богов» могли посещать столицу Теотропии лично, прибыв на станцию и одевшись в

теотропийском стиле, – все их действия там также считались игровым процессом. Некоторые из них месяцами жили в игровой реальности полностью отдаваясь миру меча и магии. Сцены сериала часто разыгрывались на глазах у игроков, поэтому у актёров не было права на дубль, и прописанный сюжет приходилось играть сходу, порой сильно импровизируя.

– Как-нибудь ты меня отвезёшь в Эпиклион, – взяла с капитана обещание Ли после просмотра очередной серии.

Кофе привычно разгонял мысли Ника. Капитан обыденно прошёлся по статусу корабля: Нау уже почти полностью завершил переход по орбитальной магистрали А-8, связывающей Церцею и Гардарику – крупнейшее скопление станций СВК вокруг «Гагарина-5». Их текущий наниматель, следователь разведки СВК Ве·Тер, вёл расследование похищений девушек и ещё не выбрал конечную точку назначения в Гардарике. Последние дни он собирал статистику по своему делу и обещал определиться ближе к вечеру.

Время не поджимало, и Ник выбрал переход по орбитальной магистрали, которая была хорошо маршрутизирована и регулярно очищалась от космического мусора, что позволило избежать любых перегрузок – идеальные условия для восстановления Ли.

Неутомимый Эф·Ес, главный механик корабля, все эти дни возился с линейной пушкой. Хотя ранее они отказались от её полной модернизации, инженер решил улучшить всё, что сможет, и, судя по бортовому журналу, Ксю – андроид на базе сексюнита, сейчас была у него на подхвате.

Капитана охватило приятное чувство, знакомое только флотским, – когда на корабле всё идёт своим чередом.

Ковчег Предтеч

Хор тессерактов взял высокую волну меандра. Бегущие потоки букв озарились светом святости и заполнили вены дежурного голема. Его вторая рука подняла стило и внесла новую запись:

«Геракл 71 познал Сон. Лахесис сплела. Клото видит дважды. Атропа отмеряет. Отклонения нитей – в пределах Судьбы. Боги спят.»

Башня и Десятка Мечей

«Уж вечер близится, а Ветра всё нет», – раздражённо подумал Ник. Пора бы уже знать, куда лететь – до схода с магистрали оставались считанные часы. Капитан хотел думать, что его раздражает неопределённость пути, хотя на самом деле тревогу вызывала комбинация карт дня, выпавшая агент-адмиралу утром: Башня и Десятка Мечей.

«Сочетание катастрофического события и глубокого горя, указывающее на внезапную и болезненную утрату», – бесстрастно прокомментировала Верховная Жрица со своей золотой карты. Ник почувствовал, как его настроение мгновенно испортилось.

Башня на карте отдалённо напоминала Нау – в её вершину ударяла молния. Намёк? Десятка мечей, торчащих из спины лежащего человека, также не внушала оптимизма. Форма мечей напоминала отметки от попаданий линейного снаряда на типовой карте повреждений корабля: десяток почти параллельных траекторий, уходящих в корпус – очень похоже на линейный залп.

Ник постарался не углубляться в мрачные мысли и запомнил только: «Событие, горе, утрата».

Поступил титр от Ветра: «Нужно поговорить».

«Наконец-то», – подумал Ник и быстро отбил: «Через минуту, в кают-кампании».

Когда капитан вошёл, Ветер уже сидел за пустым столом, угрюмо уставившись в одну точку. Ник машинально взял чашку кофе, чувствуя, что это уже стало привычкой.

– Определились, куда нам лететь? – спросил он.

– Не совсем. Поступили новые сведения, – Ветер говорил устало, без обычного оптимизма.

«Событие», – отметил Ник, – «судя по тону разведчика, дальше идут горе и утрата».

– Новое похищение? – сделал вывод Ник.

– Да, – подтвердил Ветер. – Но не хочу повторять одно и то же несколько раз. Соберём весь экипаж?

Ник кивнул, взвесив в голове варианты.

– Ли в капсуле. Эф в нижнем киле. Удалённо?

– Хорошо, – согласился Ветер.

Через мгновение в пространстве кают-кампании появилась проекция лежащей Ли, которая огляделась, осматривая обстановку. Чуть позже проявился Эф в замысловатой позе, похоже, он пытался пробраться к какому-то узлу. В руках инженера был инструмент, который он называл «звуковая отвёртка». Бросив мимолётный взгляд на собравшихся, Эф вернулся к работе с невидимым для остальных агрегатом.

– У Ветра есть новости. Давайте послушаем, – сказал Ник, коротко кивнув в сторону следователя.

– Вчера стало известно о новом похищении, – начал Ветер. – Случай укладывается в общую схему: девушки исчезли на франке «Космолюкс», их не зафиксировала система наблюдения, на отбывающих кораблях их также не обнаружили. Надо признать, что системы безопасности франков имеют «слепые зоны», которые иногда возникают неслучайно.

Эф, отложив «звуковую отвёртку», уточнил:

– Сколько девушек похищено?

– Две, – ответил Ветер. – Если считать с ними, то за последние четыре месяца исчезли уже триста тридцать восемь девушек. И это только те, о которых нам известно. Вероятно, есть и такие, кого ещё не хватились. Но нам повезло… – Ветер осёкся, – если это уместно так назвать. Этот случай особенный – похищение произошло всего несколько часов назад, и мы узнали о

нём сразу. На франке уже ведётся оперативная работа. Осложняет ситуацию то, что одной из пропавших была Инн·Аа.

– Та самая Инн·Аа? – спросила Ли с тревогой.

– Что значит «та самая»? – уточнил Ник.

– Да, это она, – признал Ветер.

– Это актриса, играющая Вессу в «Богах», – пояснила Ли.

– Так и есть, это одна из ведущих актрис всесолярного популярного шоу, – подтвердил Ветер. – Надеюсь, всем понятно, как это меняет ход расследования. Дело получило статус коммерческой тайны. Факт исчезновения решили пока не разглашать. Инн·Аа дали кодовое имя «Эхо Один», а её спутнице – «Эхо Два». Привыкайте их так называть.

В кают-кампании повисла пауза, экипаж Нау обдумывал новые сведения.

– Берём курс на «Космолюкс»? – капитан перешёл сразу к делу.

– Нет, – покачал головой Ветер. – Там уже работают наши люди, да и до франка лететь пару дней. Перед полётом на «Космолюкс» Эхо Один посетила свой родительский детинец на «Гагарине», где встретила Эхо Два. Похоже, именно Эхо Два инициировала их поездку на франк. Сначала посетим детинец, узнаем, зачем они отправились на франк и с кем связывались, – проведём предварительное расследование. А затем сами отправимся следом, уже зная, где искать.

– Принято, – ответил капитан. На секунду он выпал в вирт и добавил: – смена курса через полтора часа – сойдём с магистрали. Завтра без пятнадцати одиннадцать нас пришвартуют на «Гагарине». На этом пока всё – расходимся.

– Погодите, – задержала всех Ли, – мне медсканер показывает, что я полностью восстановилась после операции! Понимаю, что новости были печальные, но, может, скромно отпразднуем моё возвращение? Мы уже давно не собирались все лично!

– Наконец-то хоть что-то хорошее! – поддержал Эф, – я только «за»!

– В таком случае, раз Ли восстановилась, то её уже можно зачислить в экипаж. Мы это запланировали ещё несколько дней назад, – объявил Ник, а его компаньонка радостно кивнула. – Ли уже сдала флотские тесты и официально получила квалификацию корабельного кибермонгера.

– А можно посмотреть сертификат? – вдруг заинтересованно спросил Ветер.

– Зачем? – удивился Ник. – Там всё сдано по высшему баллу, Ли сразу присвоили кибермонгера второго класса. Для первого требуется флотская практика.

– Все тесты на высший балл?! – недоуменно уточнил разведчик. – Даже по взлому и кибердайвингу?

– Ну да!

– Удивительно! Теперь понятно, почему постимерская разведка так задёргалась! – Ветер улыбался, размышляя о чём-то своём.

– Поясните, – потребовал капитан, – что в этом такого, что Ли так талантлива?

– Она не просто одарённый архитектор артинов и дайвер, – ответил Ветер поясняющим тоном. – Она автор госалгоритма! То есть, несколько месяцев опытный взломщик и датадайвер работал напрямую с ГосПланом и даже внедрил в него свою сеть! А ведь для ГосПлана пришлось утвердить дополнительный уровень спецдоступа: «абсолютно секретно». Постимперцы крупно промахнулись – такой актив нельзя было отпускать с Земли! – На мгновение могло показаться, что Ветер рад ошибке коллег.

Ник задумался, осмысливая ситуацию с новой стороны.

– Ве, дайте слово, – наконец строго потребовал он, – что вы и не подумаете вербовать члена моего экипажа в свою разведку!

– Не могу… Я уже подумал, – Ветер поделился своей лихой улыбкой, но тут же придвинулся к Нику и серьёзно добавил: – обещаю, что любые действия буду согласовывать с вами. Договорились?

– Иначе и быть не могло! – отрезал капитан.

– Раз у нас теперь двойной повод: Ли не просто вернулась к нам, а полноценно влилась в наш экипаж, – судя по движениям Эф выбирался из модернизируемого им узла, – то нужно приготовить на ужин нечто особенное! Ли, встречаемся на камбузе! У меня есть идеи на этот счёт!

* * *

Поздно вечером, уже после уютной вечеринки, Ник сидел за своим столом в капитанской каюте. Он обновлял штатное расписание корабля и подтверждал новые допуски Ли. Теперь ей полагалась отдельная каюта, как капитан Ник должен был ей сообщить об этом, но как её парень, он не хотел этого делать. Нет, он не боялся, что Ли переберётся туда, проблема не в этом! Сложность была в том, что каюта кибермонгера оборудована киберкапсулой полного погружения. А прошлый опыт общения с Та·Той показывал, что как только Ли получит доступ к этой капсуле, её оттуда будет тяжело выманить. К тому же девушка будет справедливо сердиться из-за того, что на корабле есть КкПП, а он ей об этом не сказал. К тому же сделал это умышленно! Виновен! По всем пунктам виновен!

Ник покосился на Ли, она расслабленно улыбалась чему-то в вирте – такая безмятежная перед грозой!

Принятие Ли в экипаж сразу решало массу проблем. С первого дня Холмс докладывал о её кибердайверской активности. По оценке артина у неё было мало шансов взломать системы корабля, но существовала крохотная вероятность, что она справится. Взлом корабля – серьёзный провал, требующий немедленного рапорта в КиберУправление Флота. Корабль поместили бы на киберкарантин, лишили боевых допусков, а Ли подвергли бы аресту. Много дней Ник оттягивал этот разговор, но подходящий момент так и не наступил. К счастью, проблема разрешилась сама собой: даже если Ли сможет взломать Холмса, теперь это можно будет оформить как внутренние учения киберслужб крейсера.

Сообщение от Эфа отвлекло Ника. Это оказался рапорт о модернизации линейной пушки: катушки заменены на современные, плетельщики обновлены, направляющие усилены. Новые параметры не были столь фантастическими, как у субсветовых пушек, но для обычной «линейки» вполне достойные. Полчаса ушло на обновление боевых конфигураций.

Так, что там дальше? Новая диаграмма толерантности к перегрузкам для Ли. Не скрывая удовольствия, капитан вернул допустимые перегрузки корабля на уровень, достойный боевого крейсера. С новыми настройками, да с новой пушкой боеспособность Нау выросла на порядок! Превосходно!

«Про каюту и капсулу скажу завтра», решил капитан, вставая из-за стола. На кровати Ника ждала его жрица, а затем спать – в «Теотропию»!

* * *

Постепенно засыпая, Ник выпал в лимб – так называли промежуточное пространство между реальным восприятием и сном. Это было абсолютно пустое белое пространство, где нельзя было разглядеть ни границы пола, ни неба. Ли уже была здесь и готовилась «нырнуть» в своего персонажа, но отвлеклась на парня:

– Я краем глаза глянула новый эпизод «Богов», – поделилась она. – Знаешь, как они обошли проблему с исчезновением Вессы?

– Жаль девушку, она действительно талантлива, – вдруг заметил Ник. – Теперь я понимаю, как трудно отыгрывать персонажа естественно. У неё это получается так легко, словно она родилась в том мире.

– Согласна, – печально кивнула Ли, – и хотя я её лично не знаю, почему-то ощущение, что лишилась подруги.

– Да, в ней есть природное обаяние, которое к себе располагает даже через вирт, – подытожил Ник. – Так что там с новым сюжетом?

Собравшись с мыслями, Ли вкратце пересказала историю:

– Как помнишь, Биору даровали кольцо с благословением богини. Оно действует постоянно, даже в бою. Поэтому асаки обманом выкрали кольцо, и сейчас весь Эпиклион ищет пропажу. Тем временем, Биору скоро возвращаться в боевой лагерь, но теперь – без благословения! Чтобы помочь ему, Весса взяла обет затворничества и скрылась в храме Эрны, снова вымаливая расположение богини для суженого. Эпизод вышел очень правдоподобно: Весса в тёмной траурной вуали, под покровом ночи скрывается в храме. Похоже, её сыграла дублёрша по трюкам – фигура очень похожа. Думаю, так можно протянуть несколько игровых месяцев. – Ли решительно сжала кулаки, точно как жрица Безымянной Богини: – это значит, что мы должны справиться за две-три недели и отыскать её!

– Доверимся Ветру, всё-таки он опытнее в этом деле, – рассудил Ник. – Но это завтра, а сейчас завершим нашу миссию в Теотропии!

– Верно! – согласилась Ли и исчезла из лимба.

Когда игрок покидает игровую симуляцию, игра не прерывается – в этот период действия игрового персонажа направляет подменный техин. В отличие от игрока, техин не может принимать ключевых решений и действует на автопилоте в рамках сценария развития, заданного игроком. Подменных техинов игроки между собою называют «потеха», и, соответственно, играть на техине – «тешиться», а прямое подключение к вирту – это «на полном серьёзе».

Перед подключением к игре, Ник наскоро просмотрел сводку событий, произошедших в его отсутствие. Экспедиция далеко продвинулась вдоль Терминального тракта, состояние которого на этом участке было лучше, что ускоряло путь. За это время жрица дважды исполняла свой магический танец, оба раза успешно. Вдали за пиками Обсидиановых гор временами виднелся усечённый конус вулкана Пращур. После третьих ворот показался высокий обелиск Чура, вздымающийся из жерла вулкана. Вершину обелиска всегда скрывала дымка, что затрудняло оценку его высоты. Улль, персонаж Ника, действовал логично – сам Ник поступал бы так же. Казалось, «потешный» техин уже успел хорошо обучится повадкам ведущего игрока.

Когда виртуальный мир загрузился, появилось уведомление: «Внимание, новый квест: найти Кольцо Богини Эрны». Награда обещалась щедрой. Любопытно. Имя «Улль» имело скрытый бонус – перк «сродство с кольцами», увеличивающий шансы на их нахождение. Однако Ник понимал, что до завершения расследования похищения ведущей актрисы этот квест останется невыполнимым.

Вирт привычно моргнул, и Ник стал Уллем.

* * *

Вблизи основание обелиска Чура выглядело исполинским – гладкая стометровая стена обсидиана вздымалась высоко в небо, скрывая вершину в далёкой дымке. Тёмно-синяя поверхность монумента была покрыта огромными символами на языке, неизвестном молодому егерю. Загадочность артефакта навевала мысли о высшей магии стратегического назначения.

Небольшой отряд экспедиции выстроился вокруг жрицы на обзорной площадке, примыкающей к обелиску. Пока жрица совещалась с паладином, Улль, с трудом сдерживая зевоту, выпустил кречета и осмотрелся.

Диаметр кратера вулкана оказался меньше, чем это представлялось издали, – около версты от края до края. Каменную чашу заполняло озеро, в центре которого располагался остров с обелиском, тесно окружённым храмовыми постройками. Ветер совсем не достигал дна кратера, поэтому тёмная гладь озера выглядела как зеркало. Длинная колоннада на внешнем берегу озера замыкалась в кольцо, её белые колоны выглядели торжественно и из-за отражений в воде казались выше чем есть. Стройный ряд колон прерывали четыре высокие башни, отмечающие стороны света. Между башнями и островом были переброшены изящные мраморные мостики, а напротив западной башни, в стене кратера, виднелся туннель, с которого начинался Терминальный тракт.

Когда кречет поднялся выше, открылся вид на окрестные горы. Вершины, обступившие Пращур, вздымались выше самого вулкана. На западе горы постепенно снижались, переходя в зелёный кряж, а снежные пики на востоке выглядели неприступно. Тяжёлые плотные облака клубились вокруг них, причудливыми формами напоминая порождения Хаоса. Однако даже такие мрачные облака казались Уллю похожими на подушки – его не отпускало желание поспать. Где-то на краю сознания мелькнула успокаивающая мысль, что он и так спит.

– Скоро Солнце будет в зените, и мы начнём, – звонкий голос жрицы привлёк внимание отряда. – Настало время рассказать вам, зачем мы здесь. Самые внимательные из вас заметили обелиск Чура у меня за спиной. – Дети весело засмеялись, егеря тоже улыбнулись. Когда общая сонливость слегка отступила, жрица продолжила: – Это защитный обелиск, и он ослабевает. Если посмотреть вниз, то можно увидеть озеро – оно служит для накопления маны, но сейчас мана в озере почти полностью исчерпана. Всё потому, что процесс подзарядки озера-накопителя нарушен, и нам предстоит его восстановить.

Жрица указала рукой на обелиск и пояснила:

– Магическая энергия поступает из озера в основание обелиска, где расположен магический фильтр, отделяющий естественную магию от эманаций магии тьмы. Наша первейшая задача – очистить этот фильтр! Работа для вас, – она повернулась к юнмагам, – вы пройдёте во внутреннюю камеру обелиска, – жрица указала на небольшой проход в обсидиановой стене, – и погрузитесь в крепкий сон. Не против немного поспать? – Дети радостно закивали. Хотя вопрос был адресован юнмагам, егеря тоже не возражали.

– Но всё не так просто. Вам будут сниться светлые детские сны, и аура этих снов начнёт пробивать фильтр, привлекая засевшие в нём сгустки тьмы. Ваша задача – не поддаваться навязчивым кошмарам, а транслировать их нашему паладину Сталегарду. Он примет на себя все ужасы, оскверняющие обелиск. Не пытайтесь помочь Бурану и не боритесь с кошмарами самостоятельно, иначе можете проснуться. Переправляйте всю тёмную энергию ему – мы это уже отрабатывали. Наш паладин – сильный маг света, он справится! – Девушка слегка кивнула рыцарю, и тот сдержанно улыбнулся. «Справится, – подумали все, – но будет непросто».

Жрица подняла голову и всмотрелась в небо. Отряд последовал её примеру: в сером небе висела лёгкая дымка.

– Постепенно обелиск очистится и усилит магию снов, – поясняла волшебница, – это послужит маяком для Вермеселестов. Вермес Селестестиум – удивительное создание, представляющее собой огромного магического червя, плывущего в небе.

– Скрипень! – тихо шепнул другу довольный собой Тюр. – Я же говорил!

– Верно, – кивнула жрица, уловив его шёпот своим острым слухом. – В народе их называют Скрипнями. Эти создания играют важную роль в магическом круговороте, поддерживая его естественный ход. Когда творится какая-нибудь магия, будь то действия человека или силы природы, магические элементы теряют часть энергии и рассеиваются в воздухе. Затем они медленно поднимаются к небу, где заряжаются солнечным светом, так они восстановливают свою силу. Вермеселесты парят в слоях воздуха, насыщенного маглементами, и, широко рас-

крыв зев, поглощают огромные объёмы воздуха. В их горле находится сеть магических нитей, удерживающая маглементы, из которых червь строит своё исполинское тело.

Когда магическое тело вермеселеста стареет, теряет гибкость или приходит в негодность, червь сбрасывает его, превращаясь в обычного воздушного элементаля. Долгое время люди считали, что элементали воздуха и скрипни – это разные магические создания, пока маги не обнаружили связь между ними и не дали этому существу одно имя: Вермес Селестестиум.

Жрица сделала несколько едва уловимых жестов рукой, и внезапная волна свежего воздуха обдала отряд.

– Я наложила на вас чары, – пояснила она, – они позволяют тому, кто не спал несколько дней, видеть магические создания, пока он снова не заснёт. Сейчас не очень удачный момент, но если приглядеться, то рядом с горой на северо-западе можно увидеть червя среднего размера.

Все с интересом повернулись в нужную сторону. Действительно, над вершиной горы висела блестящая серым ленточка. Чтобы рассмотреть червя подробнее, Улль направил к нему кречета. Вскоре птица уже кружила рядом с исполинским червём, и существо удалось подробно разглядеть. Длинное, серое тело червя было рассечено неглубокими поперечными складками и покрыто редкими чувствительными ворсинками. Поверхность могучего тела защищала блестящая воздушная аура, что придавало его коже голубой металлический блеск.

Передняя часть вермеселеста представляла собой глубокую воронку, в которую свободно мог бы въехать строй из двух десятков всадников. Рот существа окаймляли серые губы, на которых располагалось множество глаз, размещённых кольцом. Дальше по телу червя шли четыре небольшие прозрачные, словно медузные, «юбки», расположенные через равные промежутки. Они плавно колыхались, сжимаясь и разжимаясь. Сначала сжималась юбка ближе к хвосту, затем волна сокращений проходила по всему телу к его началу. Юбки радужно переливались на свету, как мыльные пузыри, и, завораживая своим неспешным ритмом, толкали зверя вперёд. Ближе к хвосту корпус червя был покрыт множеством отверстий, откуда, по всей видимости, выходил поглощённый воздух.

– Осторожнее! – обратилась жрица к Уллю. – Если вермеселест заглотит кречета, тебя ждут неприятные ощущения.

Прислушавшись к совету, Улль отвёл птицу в сторону от опасности.

– Эх! Далеко, не рассмотреть, – в свою очередь сокрушался Тюр, щурясь.

– Сегодня у вас будет множество возможностей сделать это, – успокоила его жрица. – У вермеселестов есть полезный инстинкт: они всегда сбрасывают тела в одном месте, образуя отложения магических пластов, из которых мы добываем ману. Раньше такое кладбище магических тел находилось и здесь, в этом озере. Аура обелиска привлекала червей, они прилетали сюда, сбрасывали свои тела, те распадались на маглементы, и это подпитывало обелиск. Со временем фильтр обелиска засорился, аура ослабла, и вермеселесты стали прилетать реже. Аура продолжала затухать… и вот мы здесь, чтобы это исправить.

Нам нужно создать новое кладбище вермеселестов, для чего потребуется не менее сотни тел. Почуяв груду останков, черви воспримут это место как новое захоронение. На первом этапе их привлечёт аура детских снов, затем обелиск постепенно очистится и начнёт получать энергию из пополненного магическими элементами озера. Вскоре червей начнёт притягивать аура обелиска, и процесс станет самоподдерживающимся.

Эту часть миссии выполните вы, – жрица обратилась к егерям. – Вы займёте боевые посты: основной здесь, в центре, и четыре на башнях на том берегу. Стрелок центрального поста будет оснащён специальными гарпунными стрелами. При попадании такой стрелы создаётся магическая нить, связывающая цель с магом, зачаровавшим стрелу, в нашем случае, – жрица показала на себя рукой, – со мной. Центральный стрелок должен будет гарпунить вермеселестов на дальних подступах, а я буду притягивать червей к обелиску. Затем должны дей-

ствовать стрелки на башнях: у них будут тяжёлые стрелы с особой магией земли, которую плохо переносят воздушные элементали. Если наполнить тело червя такой магией, элементаль почувствует дискомфорт и сбросит тело. Оруженосцы должны будут подносить стрелы стрелкам и следовать командам, которые я буду подавать им телепатически.

На центральный пост я выбрала стрелка Улля и его оруженосца Тюра, остальные посты пусть распределит старшина отряда егерей. Вопросы есть?

Немного смущаясь, старший егерь спросил:

– Ваше божприсутствие, вы так подробно всё расписали, вы уже занимались таким?

– Нет, конечно! Мне триста лет, а не семь сотен, – усмехнулась жрица, пояснив: – Последний обряд был проведён здесь семьсот лет тому назад. Однако богиня даровала мне «взгляд в прошлое», и мне удалось рассмотреть этот ритуал детально.

– Простите, если невольно обидел, – ответил егерь. – И ещё, есть ли у червей уязвимые места, куда лучше целиться?

– Уместный вопрос, – похвалила жрица. – Воздушный элементаль расположен в передней части червя, сразу за глоткой. Если попадать ближе к нему, то расход стрел будет ниже.

– Спасибо, ваше божье присутствие, мы вас не подведём! – ответил егерь и громко обратился к остальным: – Так ведь?!

– Так точно! – был дружный егерский ответ.

Следующие пару часов прошли в суматохе приготовлений: опечатанные ящики со стрелами растащили по постам, проверили луки и снаряжение, согласовали сектора обстрела. Подкрепились, оправились и наполнили фляги свежей водой из храмового источника.

Улль и Тюр обустроили свой боевой пост на центральной площадке у самой дальней от обелиска части ограды. На всякий случай Улль положил рядом колчан с обычными боевыми бронебойными стрелами, а пять из них поместил в съёмный кивер.

Тем временем Тюр возился с замками ящика с магическими стрелами – печати никак не поддавались. Наконец, когда крышка поднялась, он воскликнул:

– Что за чёрт?! Ты видел?

– Видел что?

– Какая-то тень выскользнула из ящика и унеслась прочь. Я даже не успел её рассмотреть!

– Наверное, показалось? Или какая-нибудь защитная магия сработала.

– Хорошо, если так, – пробормотал Тюр, нахмурившись, – но ощущения какие-то недобрые.

Рядом со входом во внутреннюю камеру обелиска Улль приметил паладина. Сталегард сидел на одном из ящиков в расслабленной позе, руки покоились на коленях, а глаза были закрыты.

– Тебе не кажется, что Буран заснул? – поделился Улль подозрениями со своим напарником.

– Нет, что ты! – уверенно ответил Тюр. – Он точно не спит, видел бы ты его ауру! Она у него как бы вывернута наизнанку, с такой аурой не уснёшь!

– Вывернута? Это как?

– Ну, я пока в этом мало что понимаю, – признался Тюр, – но заметил, что наши ауры как бы покрыты защитной оболочкой. Сквозь неё трудно пробраться внутрь, но наружу она легко всё пропускает. А вот у Бурана сейчас эта защита вывернута наоборот – любое чужое воздействие легко проникнет внутрь, а выбраться уже не сможет. И ещё у него внутри разгорается очень сильный огонь, ярко-белый. Как я понял, его душа сейчас стала ловушкой для злых духов, которых он собирается сжечь этим огнём.

– А что там записывают юнмаги, ты не в курсе? – спросил Улль, наблюдая, как дети усердно делают записи в своих дневниках.

– Как же, в курсе! – гордо ответил Тюр, явно довольный своей осведомлённостью. – Жрица велела им записывать истории хороших снов. Думаю, это для того, чтобы именно такие сны им и снились. А сама жрица сейчас приводит в действие обелиск. Тебе не видно, но изнутри он как магическая машина. Когда мы только пришли, она едва двигалась, а теперь вся махина медленно пришла в движение, но всё ещё как-то неуверенно – видно, что мощи не хватает.

Когда солнце поднялось в зенит и скрылось в дымке, витающей над обелиском, отряд был полностью готов. Жрица снова собрала всех на центральной площадке.

– Итак, нас ждёт серьёзная работа! Но прежде чем мы начнём, я хочу поделиться с вами подарком от вашей заставы, – она кивнула егерям и подняла небольшую шкатулку. – Заставный голова, генерал Маковар, потомственный зельевар, выдающийся мастер этого искусства. Здесь у меня зелья сна из редчайшего красного меконского мака. Их изготовили виртуозно, такое качество большая редкость!

Жрица достала крохотные склянки с красными пробками и стала раздавать их детям, приговаривая:

– Если вдруг испугаетесь и проснётесь, выпейте зелье – оно сразу вернёт вас в сон! Генерал обещал, что сниться будут только хорошие сны. Однако такие сильные снадобья вредны детям, поэтому используйте их только в крайнем случае. О своих бойцах генерал тоже не забыл, – жрица повернулась к егерям, показывая баночки с жёлтыми пробками. – Это зелья бодрости из жёлтого звёздного мака. Признаться, я думала, что этот мак давно вымер, но, к счастью, предки Маковара научились его выращивать и передали этот дар по наследству. В Академии тоже делают похожие зелья бодрости, но из более простого белого мака. Такие зелья действуют слишком резко: боец рвётся в бой, не чувствует боли, не может усидеть на месте – это не всегда уместно, так как снижается осмотрительность и появляется склонность к безрассудству. А потом бодрость быстро сменяется усталостью – человек выгорает, словно свеча. Но зелья из редкого жёлтого мака действуют иначе – сильно, но мягко. Вы будете полны энергии и рассудительны, – жрица начала раздавать бутылочки егерям. – Выпейте прямо сейчас!

– Ух! Забористая штука, – старшина егерей опустошил свою склянку первым. Тень усталости мгновенно покинула его лицо, а осанка выпрямилась, словно невидимый груз спал с его плеч. – Слыхал я об этих генеральских зельях, говорят, они мёртвого поднимут, похмелье моментально снимают, а стоит от них так, что ни одна барышня не уложит… Ох! Простите вашбожприсутствие! Забылся с непривычки!

Когда Улль залпом выпил тягучую жёлтую жидкость, то сначала ощутил приятный сладкий вкус с лёгкой горчинкой, затем по телу разлилось тепло, словно оно пронизывало каждую клетку. Внезапно возникло ощущение, будто пелена спала с его глаз: сонливость улетучилась без следа, а в мускулах появилась готовность к действиям, словно каждый из них требовал работы.

– Что же, теперь мы готовы. Расходимся по постам! – Уверенность и решительность в голосе жрицы придали сил остальным. – Чур с нами!

* * *

Как-то вечером на заставе бывалый обер-егерь учил новичков сортировать стрелы. Из большой связки следовало отобрать лучшие, чтобы их можно было тактически зачаровать, те, что похуже, годились для простого боя или для охоты, а гнутые стрелы с плохой развесовкой и несимметричным оперением можно было использовать только в учебных целях.

Сортировка – занятие кропотливое: сначала стрелу укладывают в специальное приспособление – калибратор, затем её нужно покрутить вокруг оси; если древко вращается ровно, стрела прямая. После этого проверяют развесовку и состояние оперения. Хотя на стрельбище

Улль легко обходил Тюра, здесь увалень оказался проворнее. Его крупные руки неожиданно ловко подхватывали стрелу, укладывали её и крутили одним движением.

– Тащь обер-егерь, – как всегда не умолкал Тюр, – а вы были в настоящем бою?

– Как же, бывал, – ответил мастер.

– И как оно? Бой-то? – пухлые пальцы Тюра ловко выхватили очередную стрелу из связки.

– В бою, как в бою, – сухо констатировал бывалый егерь.

– Ну а что там обычно происходит? – новичку не терпелось услышать кровавые подробности.

– Происходит бой, – отрезал егерь.

– Получается, – разочарованно подитожил Тюр, протягивая руку за следующей стрелой, – в бою как в бою, и происходит бой. Кого не спрошу – все отвечают одинаково!

* * *

«В бою, как в бою», – вспомнил Улль, посылая очередную стрелу в скрипня. Сейчас он полностью соглашался с ответом бывалого егеря. Стрела, цель, выстрел – вот и всё, о чём думал стрелок в этот миг. Что тут рассказывать?

Стрела: древко гладкое, оперение прямое. Такая стрела летит быстрее, но требует точности – нужно подпустить цель поближе.

Цель: на подлёте, идёт боком. Улль уже знал, что нужно выждать момент, когда червь повернёт глотку в сторону. Так скрипень не заметит стрелу и не попытается уйти вбок.

Выстрел: задерживаешь дыхание, легко отпускаешь тетиву – стрела уходит, и лук издаёт низкий гул удачного выстрела. В это время рука уже принимает новую стрелу от Тюра, а глаза выискивают следующую цель.

Все эти соображения важны в момент выстрела, но после – бесполезны. Их незачем помнить. В бою важны только такие мимолётные мысли, и потому после него мало что остаётся в памяти. Разве что ошибки – ведь на них учатся, но кто захочет рассказывать о своих промахах? Поэтому и ответ после боя всегда один: «в бою, как в бою».

Однако свою первую стрелу в этом бою Улль запомнил хорошо. Это был тот самый червь, которого они приметили на сходке перед сражением. Позже Улль понял, что этот скрипень был, по меркам исполинов, не таким уж большим. Первое время стрелок вел его взглядом кречета, зависнув птицей прямо над телом чудища. За дни похода у Улля уже сформировалось особое чувство связи с фамильяром: он знал, где тот находится, даже не глядя, и, что особенно важно, точно ощущал расстояние до птицы. Зависнув кречетом над червем, он чётко определил дистанцию до цели.

Червь был ещё далеко, и все терпеливо ждали. Даже болтливый Тюр смолк, затаив дыхание. Вокруг был слышен только свист ветра. Наконец раздался щелчок лука и шум улетающей стрелы. Глаза всего отряда следили за её полётом. Никогда прежде Улль не стремился так попасть в цель – ведь первая стрела задаёт тон всему бою.

Промах был близок – одним из многочисленных глаз зверь заметил стрелу и попытался увернуться, резко взмыв вверх. Но было поздно: стрела всё же достигла цели, хоть и вошла снизу, а не сбоку, как планировал Улль. Для опытного стрелка это считалось ошибкой.

С башен раздались одобрительные возгласы. Улль повернулся к Тюру за новой стрелой. Увалень широко улыбался, но, спохватившись, сунул руку в ящик, выуживая новый боеприпас. Чуть поодаль на площадке жрица делала притягивающие пассы руками, и магическая нить, словно поводок, тянула червя всё ближе.

Очень скоро исполинское тело скрипня проплыло над их головами, уже усеянное несколькими стрелами, выпущенными егерями с башен. Похоже, червь был взбешён – он

ринулся ниже и с силой взмахнул своим мощным хвостом, ударив по северной башне. Сильный порыв ветра едва не сбросил егерей; они успели ухватиться за ограждение, а один из них и вовсе повис снаружи, но, к счастью, напарник успел втащить его обратно.

Червь начал разворачиваться для новой атаки, но жрица резко дёрнула за магический поводок, отводя его в сторону от башни.

Стрелы продолжали вонзаться в магическое тело червя, пока тот не издал протяжный рык, переходящий в глухое клокотание. Его огромная глотка вытянулась к небу, и из неё выплыл крохотный светящийся шарик – воздушный элементаль. Тело скрипня начало медленно оседать в озеро, положив начало новому циклу зарядки обелиска.

Потом бой вошёл в свой ритм: стрела, цель, выстрел… стрела, цель, выстрел… Небо над озером вскоре полностью заполнилось телами извивающихся червей, а ящики со стрелами опустошались с пугающей скоростью.

– Жрица! Сзади! – внезапно услышал Улль крик Тюра.

На одной из крыш храмовых построек, ютящихся у обелиска, стояла тёмная человеческая фигура. Незнакомец творил сложное заклинание, быстро накачивая энергией чёрный магический сгусток. Его руки были направлены в сторону жрицы – угроза была очевидна. Улль действовал на инстинктах: мгновенно наведя лук, он лишь успел сообразить, что фигура закована в магическую броню, а стрела в луке не бронебойная. Оставался лишь один шанс.

Выстрел. Тёмный маг издал неожиданно высокий стон – стрела попала ему прямо в открытую ладонь, даже архимагу сложно сотворить сильную магию в бронированной перчатке, заклинание сорвалось. Не набравший полной силы сгусток магии, сорвавшись, всё же устремился к жрице. Не упуская врага из виду, Улль схватил одну из заранее выложенных бронебойных стрел. Лук уже был натянут, рука готова… но тут!

– Стоп! – раздался могучий голос, и земля под ногами затряслась, а скрипни, словно по команде, начали оседать все разом. Улль почувствовал, что этот мощный возглас был направлен прежде всего к нему, и его рука застыла с натянутой тетивой. Незнакомый маг в чёрном тоже замер, ошеломлённый внезапным вмешательством. Улль на миг отвёл от него взгляд, чтобы понять, что происходит.

Рядом на площадке лежал Тюр, его тело было скручено в страшной агонии. Жрица склонилась над ним, и Улль понял: увалень успел закрыть девушку, приняв на себя весь заряд тёмной магии. Было сложно поверить, что неуклюжий Тюр сумел добежать до неё так быстро, но он не раз проявлял удивительную проворность в критические моменты. Десятки разом оголившихся элементалей озарили всё вокруг, в их неестественном свете мучения друга выглядели ещё ужаснее.

Внезапно яркая вспышка ослепила Улля, заставив его вздрогнуть и почти выпустить стрелу. На их площадке рядом со жрицей возник столп ослепительного света. Краем глаза Улль успел заметить, как мощная невидимая сила подхватила таинственного мага и понесла его к ним, заставив выгнуться дугой и беспомощно размахивать руками в воздухе. Из света вышел могучий мужчина – в простой народной рубахе, украшенной узорами из ромбов, будто его только что оторвали от работы в поле. Его светло-серые глаза смотрели на происходящее с мудрой, строгой оценкой.

Тем временем та же сила мягко опустила тёмного мага на ноги, прямо перед светлым мужем. Только сейчас Улль понял, что всё ещё держит лук, прицелившись в пустующее место на крыше. Он опустил оружие и прищурился, пытаясь лучше разглядеть тёмного незнакомца. Ослепившие его пятна света постепенно исчезали, поначалу мешая разобрать лицо. Вблизи тёмный маг выглядел странно – это мог быть женоподобный мужчина или, наоборот, женщина в мужских доспехах. Его (или её) лицо искажала гримаса боли, а из ладони всё ещё торчала стрела, пущенная Уллем.

– Давно не виделись, – могучий мужчина заговорил с магом тоном упрёка. – А ты сильно изменилась. Прокрадываешься тайком, я так понял, в ящике. Пакостишь. Я помню тебя совсем другой.

– А ты, вижу, совсем не меняешься, – ответила незнакомка с недовольным тоном, в котором Улль уловил женские интонации. – Всё так же прибедняешься и придираешься.

Вместо ответа мужчина взял раненую руку незнакомки, осторожно разломил стрелу и аккуратно извлёк обломок из её ладони. В его движениях чувствовалась заботливая нежность. Затем он поднёс её ладонь к своим губам и лёгким дуновением залечил рану. Их взгляды встретились – казалось, они вспомнили о многом, что было между ними…

– Простите, что вмешиваюсь, – Улль не церемонясь прервал их безмолвный диалог. – Мой друг страдает. Может, поможете ему?

Мужчина посмотрел на парня с укором. Запоздало Улль заметил взгляд жрицы, красноречиво говоривший: «Ни слова!»

– Простите его, о Первозванный! – попыталась смягчить ситуацию жрица. Затем, обернувшись к Уллю, добавила тихим тоном: – Это бог Чур и его жена Энтропия.

– Была женой, – едко вставила Энтропия. – Сейчас я не с ним!

– Прямо сейчас ты здесь со мной, – заметил Чур, затем обратился к жрице: – Ваш стрелок имеет право требовать компенсацию. Моя жена, на моей территории, вероломно пыталась вам навредить. Он её одолел, и это даёт ему право.

– Ты хотя бы иногда слышишь меня? – с укором заявила Энтропия. – Я не твоя жена! Ты не должен отвечать за мои поступки! И… и… – её голос дрогнул, и в глазах зажглась ярость. – Он меня ранил! А ты собираешься его наградить! Вот почему я ушла к другому!

Бог вздохнул совсем по-человечески, затем склонился над Тюром и ответил Уллю:

– Я не могу ему помочь. Это силы Хаоса. Если я всмотрюсь в них, они коснутся меня, и я стану таким же, как моя жена – утрачу внутреннюю гармонию. Хаос опьянит меня, и я не смогу продолжать служить этому миру. Именно ради этого Хаос послал ко мне Энтропию, – в его голосе звучала горечь. Чур посмотрел на Улля и добавил: – Однако твоя спутница имеет благословение моей матери и сестры. Если она согласна, я передам ей знания, которые помогут одолеть этот недуг.

– Я согласна, – без колебаний ответила жрица.

– Да будет так, – бог наложил ладонь на её голову. – Прими мою мудрость.

– Спасибо, я озарена! – откликнулась жрица через мгновение, и Энтропия, стоявшая рядом, презрительно хмыкнула.

– Мне жаль, что я не смог предоставить тебе достойное возмещение, – произнёс Чур, обращаясь к Уллю. – Я прервал твой выстрел, лишил тебя честной победы. Магия, поразившая твоего друга, исходит не от Энтропии, а из самого Хаоса, – он вновь взглянул на Энтропию. – Она сокрыта в её браслетах, они отравляют её. Я не имею права снять их и уничтожить, но я в праве трансформировать их и передать тебе в качестве трофея. Так ты получишь небывало мощное оружие, а я избавлю её от их влияния. Ты согласен?

Предложение казалось заманчивым, но в нём чувствовался скрытый подвох. Ища совета, егерь взглянул на жрицу. Та едва заметно кивнула, как бы говоря: не перечь богу, соглашайся.

– Я согласен, – ответил Улль. В тот же миг браслеты соскользнули с запястий Энтропии и зависли в воздухе перед лучником.

Чур на мгновение задумался:

– В какую бы форму их преобразовать? Просто оставить их такими нельзя, – проговорил он, словно размышляя вслух. – Я не могу сильно изменить их структуру, иначе мне придётся столкнуться с их внутренней магией, – он внимательно посмотрел на Улля и с облегчением улыбнулся. – Вижу, у тебя есть сродство с кольцами – это как раз то, что нужно.

Два браслета резко уменьшились, превращаясь в два чёрных блестящих кольца, которые сами собой оказались на указательных пальцах Улля.

– Готово! – Чур выглядел вполне довольным результатом. – Я сохранил их силу, но освободил от влияния Хаоса. Теперь с помощью моей магии ты сможешь управлять этими силами. Достаточно представить себе идеальное оружие в руках, и кольца примут эту форму. Попробуй!

Пытаясь скрыть недоверие, Улль взглянул на левую руку. Кольцо оставалось кольцом, но стоило моргнуть, как в руке появился безупречный лук – именно такой, каким он представлял своё идеальное оружие в мечтах. В правой руке оказалась чёрная стрела. Руки сами собой наложили стрелу на тетиву и взвели лук, хотя, к сожалению, стрелять было некуда.

Бог лукаво улыбнулся и указал на дальний край кратера, где уже стоял шест с учебной мишенью. Стрела с невиданной скоростью ушла в цель, попав идеально в центр. Как только стрела пронзила мишень, она исчезла и мгновенно вернулась в руку Улля.

«Если представить сразу несколько стрел, – прикинул Улль, – можно будет не ждать, пока вернётся предыдущая».

– Спасибо! – поблагодарил егерь, его взгляд задержался на Тюре. – это не заменит мне друга, но если он поправится, то такой подарок слишком щедр.

– Не спеши с благодарностью, – признался бог. – Я виноват перед вами всеми. Это я создал ситуацию с обелиском, зная, что империя пошлёт экспедицию. Я был уверен, что Хаос отправит своего шпиона. И единственный шпион, который смог бы меня провести и пробраться сюда, – это моя жена Энтропия. Я специально заманил её сюда!

– Больной ублюдок! Тебе не кажется, что это уже чересчур? Даже для Чура? – зло огрызнулась Энтропия. – Ты хочешь отыграться? Отомстить?

– Нет, – спокойно ответил Чур. – Боги жалуются, что наша дочь, Случайность, иногда становится предсказуемой. Они считают, что это ты на неё плохо влияешь. А ещё наши внуки: Удача слишком ветрена и капризна, а Провал слишком придирчив к мелочам, цепляется за любой недостаток. Я просто хочу обсудить их судьбу с тобой, а затем отпущу.

* * *

Шёл второй день обратного пути на заставу, теперь дорога давалась легче, так как места вокруг уже были знакомы. К тому же чувство выполненного долга сняло гнетущую ношу неопределённости, сопровождавшую отряд по пути к вулкану. Единственной тяжестью обратного пути был больной товарищ.

На Тюра было страшно смотреть – его тело превратилось в бесформенный кусок плоти. Лицо расползлось по торсу, правый глаз оказался где-то в области желудка, а рот – на том, что раньше было левой рукой. Нос, непонятно где оказавшийся, постоянно хлюпал и выделял слизь. Это человекообразное нечто вызывало ужас даже у самых бывалых егерей. Больного несли на носилках по очереди, прикрыв его походной защитной плащ-палаткой ЗППМ-35У.

– Это высшая степень магии расчеловечивания, – объяснила жрица Уллю во время привала. – Когда человек полностью утрачивает свою природу, даже телесно. Твоему другу очень помогло то, что заряд заклинания был неполным – прервав его, ты, возможно, спас товарища. К тому же маглементы лютоволка, которыми был насыщен Тюр, частично сдержали коварную магию.

– Значит, ему можно помочь? – робко спросил один из мальчишек, сидящий неподалёку. Мысленно Улль поддержал вопрос, хотя сам уже задавал его много раз, но ясного ответа так и не получил.

– Что такое магия? – задумчиво произнесла жрица, обращаясь больше к себе, чем к остальным. – Это функциональный алгоритм: мы имеем начальные условия и ману. Затем прописываем в формулу заклинания шаг за шагом то, что хотим достичь, пока не получаем нужный результат. Одни алгоритмы можно обратить, другие – нет. Даже сложение необратимо,

ведь, зная сумму, мы не всегда можем сказать, из каких слагаемых она была сложена. Мудрость, которой наделил меня Чур, позволяет видеть, из каких шагов была составлена любая магия. Сейчас я исследую заклинание расчеловечивания, чтобы написать обратное. Я уже выделила те шаги, которые можно обратить без искажений.

– А что делать с остальными? – спросил Улль.

– Здесь нужна твоя помощь, – ответила жрица. – К счастью, я зафиксировала в своей памяти прежнюю ауру Тюра, ещё когда планировала пробудить его чутьё. Структура души твоего друга довольно прямолинейна – по сути, это простая сумма составляющих, где порядок не столь важен. Эту часть Тюра я смогу восстановить с высокой точностью. Сложнее дело обстоит с его характером и телом – я представляю их себе лишь в общих чертах. И здесь мне пригодится твоя помощь.

Жрица внимательно посмотрела Уллю прямо в глаза:

– Мне нужно проникнуть в твои мысли и глубоко исследовать твоё сознание, чтобы извлечь всё, что ты помнишь о друге. Ты позволишь мне это?

– Прямо сейчас? – уточнил Улль, затем твёрдо добавил: – Для друга я на всё готов!

– Учти, я узнаю все твои тайны, все сокровенные желания, мечты – вся твоя суть станет для меня открытой книгой, – предупредила жрица.

– Я готов! – не усомнился егерь.

– Хорошо, я ценю твою самоотверженность, – мягко осадила его жрица, – но это тонкий процесс, и нам нужно будет уединиться. Мне тоже нужно подготовиться. К тому же у тебя будет время всё обдумать.

* * *

Спящий лес дышал свежестью, и в тайной симфонии ночных звуков дозорный Улль уловил тихий шелест платья. Он уже достаточно овладел своим чутьём, чтобы не только услышать такой слабый звук, но и понять, что его заглушает магия. Желая подыграть жрице, Улль сделал вид, что ничего не заметил.

– Не притворяйся, – приглушённый шёпот разнёсся среди деревьев, – я по твоей ауре поняла, что ты меня заметил.

– Тогда зачем крадётесь?

– Чтобы никого не разбудить, – жрица уже была совсем рядом. – Сегодня первая ночь, когда Буран смог нормально заснуть. Он вида не подаёт, но ему в обелиске досталось гораздо сильнее, чем я предполагала. Нужно было взять двух паладинов, но Буран такой сильный и безотказный, что я решила, что его одного хватит. Дурёха!

Переживания за товарища захватили Улля, и он внезапно ощутил укор совести: он совсем забыл об остальных и не обратил внимания на страдания паладина. За время похода они успели сдружиться, в рыцаре Улль всегда ощущал непоколебимую надёжность. Неудивительно, что жрица решила возложить на Бурана такую непомерную задачу.

– Ложись, – жрица выпустила стайку огоньков, и в их свете стало видно, как волшебная накидка распласталась по траве. – Не передумал?

– Нет, – уверенно ответил Улль, ложась на накидку. – Что мне делать?

– Ничего, просто внимательно смотри мне в глаза.

* * *

– Всё же незачем было заниматься сексом в игре, – проворчал Ник уже в лимбе, – как-то не по лору – верховная жрица и простой егерь…

– А что делать верховным жрицам? – парировала Ли. – Она так близка к богам, что для неё и архимаг – простой маг, и император – простой император. Тебе что, не понравилось? – капризно уточнила она.

– Что ты, конечно, было здорово! – поспешил успокоить её Ник, – но в реале как-то… реальнее, что ли.

– Ладно, прощаю, – смягчилась девушка. – Я тоже сначала не планировала, но когда проникла в мысли Улля, то про Тюра там было совсем немного – вы, мужики, не любите друг друга рассматривать. Зато, каких только фантазий со жрицей там не было – даже я завелась.

– Когда фантазируешь, то не думаешь, что кто-то будет просматривать твои фантазии, – пробурчал Ник и поспешил сменить тему: – А с Тюром всё будет нормально?

– Не знаю, – честно призналась Ли, – но за миссию с обелиском выпала невообразимая гора экспы, а Тюр – профи-игрок, он знает, как, если что, перевести её на нового персонажа.

– Профи? С чего ты взяла?

– Ну, он тоже взял спец-имя, нашёл тебя, – поделилась соображениями Ли. – А ваши имена связаны: когда вы действуете вместе, у вас бонус взаимодействия. Своего персонажа он отыгрывает безупречно, даже характер выдерживает в едином стиле. Чувствует ключевой момент, в критической ситуации он всегда «на серьёзе» и всегда в нужном месте. Это приходит с опытом.

– Я с ним свыкся, – Ник улыбнулся, вспоминая Тюра, – будет жаль, если он умрёт.

В мыслях он сопоставил образ лежащего у обелиска Тюра с воином, проткнутым мечами на карте с девяткой мечей. «Утрата» – вспомнил Ник.

– Лучше подумай, почему игрок его уровня вынужден начинать с нуля, – резонно заметила Ли. – Вряд ли он просто погиб. Его либо забанили, либо он отыгрывает альта. Оба варианта подозрительные.

– Что в этом такого? Он и сейчас на грани смерти! – возразил Ник.

– Одно дело – погибнуть новичком, и совсем другое – потерять прокачанного персонажа, у которого наверняка есть страховка на воскрешение от Академии Магов Теотропии, – пояснила Ли, словно разъясняя что-то очевидное.

– Ладно, согласен, тут есть о чём подумать, – признал Ник. – Мне пора просыпаться, скоро мы будем проходить внутренний кордон Гардарики, и в такой момент капитану принято быть в рубке.

Море наоборот, в тени плюща

Sacramentum est invisibilis gratiæ visibilis seu sensibilis forma. (Лат.)
Таинство есть видимая форма невидимой благодати.
Блаженный Августин, епископ Гиппонский,
354–430 гг.

Внутренний кордон Гардарики

2328.10.06:11:07·ЗВМ

Находясь в курсовой рубке, наедине с космосом, когда стены корабля становятся невидимыми, Ник занимался рутиной: проверял приводную спираль для швартовки на «Гагарин-5», заполнял декларацию судна и выбирал подходящее место на хороводном причале.

Вдруг в рубку ворвалась Ли:

– В сеть корабля был установлен отслеживающий модуль! – девушка взглянула строго на капитана. – Манипуляция была проделана без моего ведома!

– Это обычный модуль безопасности, – начал объяснять Ник. – На «Гагарине» нельзя использовать оружейные протоколы. Более того, там вообще запрещена швартовка боевых кораблей, но у нас есть мандат от Разведки Флота. В качестве превентивной меры в интерфейс судна интегрируется модуль-предохранитель, который информирует службы безопасности станции о любом оружейном воздействии на борту. Это стандартная практика. Чтобы не отвлекать тебя по мелочам, я попросил Холмса…

– Я кибермонгер этого корабля! – грубо отрезала Ли. – И впредь в таких случаях обращайся ко мне! Даже если я без сознания!

– Ты права, – примирительно вздохнул капитан, но затем его голос приобрел строгие нотки. – Однако впредь вы, как офицер флота, находясь в командной рубке, обязаны соблюдать субординацию! В свободное от службы время рекомендую перечитать вторую главу «Устава внутренней службы флотов СВК».

Ли сжала губы, её глаза на мгновение вспыхнули, но она быстро взяла себя в руки.

– Вы правы капитан, прошу прощения за излишнюю эмоциональность, – ответила девушка, демонстративно усаживаясь за пульт кибермонгера. – Какие будут дальнейшие указания?

Бросив мимолётный взгляд на Холмса, который поодаль набивал трубку с выражением лица, словно говорящим «я же предупреждал», Ник вспомнил слова наставника по боевой подготовке:

– Эмоциональность уместна, если не противоречит уставу. Без неё нас давно бы заменили артины, – примирительно улыбнулся капитан. – Проверь сигнатуры установленного предохранителя и корректность его установки, а затем продолжай нести кибердежурство по кораблю.

– Слушаюсь! – ответила Ли, уже без холодной стали в голосе. Девушка осмотрелась: – Судя по карте вакруга, мы в самой обжитой части Пояса, но я ничего не вижу.

– Яркая звёздочка прямо по курсу – это «Гагарин», его легко узнать. Присмотрись: видишь, как множество звёзд образует что-то вроде сферы? Это станции комплекса раннего предупреждения атаки. Такой большой защитный периметр есть только у Гагарина.

Чтобы избежать путаницы, Ник не стал уточнять, что для удобства контроля сближения оптическое поле в рубке было развёрнуто по тангажу на пол-оборота. На самом деле станция находилась внизу, так как при торможении крейсер приближался к ней кормой.

– Ага, теперь, когда ты сказал, я вижу, как некоторые звёзды складываются в сферу. Но я ожидала, что присутствие человека будет более заметным.

– Это космос, – резонно заметил Ник. – На таких расстояниях ничего не видно глазом, созданным для земных масштабов.

Постепенно звёздочка «Гагарина» становилась всё ярче, а в пустоте космоса начали проявляться линии огоньков, квадраты из упорядоченных звёзд и иные, явно искусственные, конфигурации. Всё чаще мимо Нау пролетали различные суда, и орбитальная обстановка становилась даже оживлённее, чем возле Луны. С каждой минутой человеческое присутствие в космосе ощущалось всё сильнее.

Для персов эта картина была привычной. Ветер, заглянувший на минуту в рубку, бросил быстрый взгляд на окружающее пространство и заключил: – Ага, ещё полчаса лететь.

Ли невольно провела параллель со своим возвращением домой после долгих путешествий: когда в пейзаже начинают мелькать знакомые очертания, и ощущение дома становится всё сильнее. Для персов такие огни в космосе были аналогом «пейзажа» – маяком, отмечающим их дом, подумала она.

Как-то Ник рассказал Ли о походе своего класса в Гардарианский Заповедник Астероидов. Это обширное, практически нетронутое поле высокомерных астероидов, прилегающее к Гардарике. Каждый выпускной класс начальной школы совершал туда поход. Из снаряжения дети брали с собой лишь пару космопалаток, ручной микробуксир с длинным фалом и походный пищевой фабрикатор. За неделю они успевали посетить десяток астероидов, лучше узнать друг друга и подружиться с открытым космосом.

Тогда Ли в шутку спросила:

– Ты бы смог так целый год провести в космосе?

Ник задумался ненадолго, а затем серьёзно ответил:

– Два года смог бы. Запас топлива у реактора походного пищевого фабрикатора рассчитан именно на этот срок.

«Историю о Робинзоне пора переписать», – внутренне усмехнулась Ли. Её фоновая нейросеть тут же предложила подборку лучших фильмов на тему выживания в открытом космосе.

Сейчас лишь Ли ощущала себя туристкой – остальные члены экипажа возвращались в знакомое место, почти домой. «Когда-нибудь и для меня космос станет домом», – успокоила себя Ли, старший кибермонгер рейд-крейсера «Наутилус-127».

В этот момент их корабль пролетел между двумя массивными плитами, парящими в космосе параллельно друг другу. Огромные стальные конструкции, раскрашенные по углам в жёлто-чёрные полосы, были усеяны рядами сигнальных огней, которые ритмично вспыхивали, словно пульсировали жизнью.

– Сканирующий портал, – заботливо пояснил Ник, наблюдая за пролётом. – Он сверяет скан корабля с декларацией. К счастью, нам нечего не нужно декларировать, а визу для Ксю мы уже получили.

– Для Ксю нужна виза? – удивилась Ли.

– Да, для сексюнитов требуется специальное разрешение, – кивнул капитан. – Такова специфика станций СВК. Матриархат и всё такое…

Ли хотела расспросить подробнее, но очертания столичной станции стремительно обретали форму, и её внимание переключилось на это зрелище. Издали цилиндр «Гагарина» напоминал Землю, разумеется, не формой, а поверхностью. Он был покрыт морями, горами, лесами, реками, равнинами – всем тем, чем славится земной рельеф. На той стороне цилин-

дра, что оставалась в тени, проступали огни городов и поселений, оживляя эту искусственную планету.

– Знакомо? – неожиданно раздался голос Эфа, подошедшего незаметно. – Сейчас «Месяц Земли», – пояснил он, указывая на станцию. – Корпус «Гагарина» покрыт надувными конструкциями, которые могут подниматься на десять километров вверх. Они формируют объёмные картины, причём кубы этих конструкций способны менять цвет и светиться. Фантазия воксельных художников почти ничем не ограничена.

Эф на секунду замолчал, давая Ли время рассмотреть шедевр, затем продолжил:

– Мне больше нравятся классические композиции – вариации на тему барельефов Парфенона, например. Но сейчас «Месяц Земли», и станция покрыта земным рельефом с историческими силуэтами знаковых земных городов. Некоторые из них воспроизведены несколько раз, в разные эпохи их расцвета.

Ли вглядывалась в приближенную поверхность цилиндра, различая знакомые очертания Москвы, Рима и Византии. Высокие шпили и светящиеся купола архитектуры прошлого удивительным образом сочетались с зеленью полей и лесов, создавая ностальгическую атмосферу. Даже в этом бескрайнем космосе Земля оставалась с её обитателями.

– Не ожидала, что практичные персы вложат столько ресурсов в декорации, – заметила Ли, не скрывая удивления.

– Это не просто декорации, – ответил Эф, с лёгкой улыбкой на лице. – Если станции грозит неминуемое столкновение, эти конструкции мгновенно заполняются вязкой пеной. Десятикилометровая подушка безопасности способна смягчить удар почти любой силы. Безопасность прежде всего!

– Понятно, – протянула Ли, в её голосе прозвучала нотка разочарования в несостоявшемся эстетическом альтруизме персов.

Эф усмехнулся:

– У нас практичность и эстетика часто идут рука об руку – этому я посвятил большую часть своей жизни.

Девушка благодарно усмехнулась архитектору, подтверждая что его усилия были затрачены не зря.

Очень скоро поверхность станции заслонила весь космос, возникло ощущение, словно они падают на Землю. Масштабы конструкции впечатляли.

– А какие размеры у станции? – спросила девушка у архитектора.

– Диаметр оснований цилиндра почти сто восемьдесят километров, высота чуть больше двухсот, – ответил Эф. – При таком диаметре вся конструкция совершает один оборот за десять минут. Станция ещё строится: у южного основания её надстраивают, прибавляя почти по километру в год.

Ландшафт постепенно замедлился, а звёзды вокруг, напротив, пришли в движение. К крейсеру стали приближаться два небольших судна. Их сигнальные огни предупреждали о сближении, а на бортах крупно светились надписи: «Готовность отключения ВП!».

– О, наши буксиры, – прокомментировал капитан, с видимым удовольствием добавив: – «Шишиги» – удачная модель, стыковка с ними проходит с минимумом проблем. Впереди санитарная зона для вакуумного привода, сейчас переключимся на внешний ЭМ-привод.

Словно подтверждая слова капитана, буксиры состыковались с крейсером, мягко взяв «Наутилус» под контроль. Ник сразу отключил вакуумную тягу. Постепенно движение поверхности станции полностью замедлилось, а затем началось её плавное приближение.

При таком сближении стали заметны отдельные кубы, из которых был составлен декоративный ландшафт – цельная картинка постепенно распадалась на воксели.

В рубку снова ворвался Ветер – в подобные моменты было особенно ясно, как его имя гармонирует с деятельной натурой офицера разведки.

– Сразу после швартовки направляемся в детинец Лунцево. Как и договаривались, пойдём втроём: я, Ник и Ли, – начал инструктировать Ве. Затем, будто вспомнив что-то важное, протянул девушке стопку яркой одежды. – Это для вас, Ли. Оденьте, пожалуйста, даже если вам не придётся по вкусу. Так нужно для дела. В детинцах часто встречают «по одёжке».

Ли взяла одежду и скептически осмотрела её: незамысловатое растительные узоры из завитков и цветов совершенно не вязались с её обычным стилем.

– Вот уж точно «по одёжке», – пробормотала она, но вслух ничего не сказала, только пожала плечами.

Разведчик тем временем повернулся к Нику:

– Ник, вы в своей стильной «парадке».

Следивший за сближением капитан утвердительно кивнул, как будто и не ожидал другого приказа.

* * *

Транспортная кабина поднималась вверх по длинному вертикальному туннелю станции. Большая часть его стен была прозрачной, и пассажиры могли видеть за ними бескрайнюю толщу воды.

– Море Гагарина, – Эф взял на себя роль гида для Ли. – Вся станция окружена водной оболочкой, которую мы называем морем. Средняя толщина этого слоя – около трёхсот метров. Сверху море накрыто герметичными сотами. Управляя давлением воздуха в них, мы можем перераспределять водную массу, чтобы балансировать центр масс станции.

Эф выдержал небольшую паузу, позволяя Ли осмотреть подводное величие, и продолжил:

– Вода защищает от космического излучения, к тому же она отличный изолятор и накопитель меры. Такой объём высокомерной воды – это огромный капитал в космосе.

Ли вглядывалась в тёмные глубины, но видела лишь своё отражение в стекле транспортной кабины. Девушка уже смирилась со своим нарядом: голубое платье идеально облегало её фигуру, а цветочные узоры больше не казались такими нелепыми. Особенно её поразила юбка – в её подол были вшиты манипуляторы, которые через магнитное поле взаимодействовали с рантами чулок, позволяя управлять поведением ткани.

Бегло изучив инструкцию, Ли поняла, что такие юбки не задираются ни в невесомости, ни от ветра, льнут к ногам, если кто-то пытается заглянуть под подол, и всегда поддерживают аккуратный силуэт. Присаживаясь в кресло, она ощутила, как юбка сама разгладилась до того, как она села, а затем элегантно облегла ноги.

«Очень удобно, – подумала Ли. – Странно, что на Земле таких юбок нет. Это ведь даже удобнее, чем брюки».

Загадочные всполохи в воде отвлекли её мысли. В глубине что-то светилось. Чтобы рассмотреть это лучше, девушка мысленно дала команду отключить свет в кабине. Спутники не возражали – стало темно. Теперь перед ней открылся другой мир: слабое голубое свечение пробивалось из толщи воды, но внимание землянки привлекло не оно.

Внезапно мимо проплыл фантом, сотканный из светящихся пятен и полос, которые складывались в силуэт огромной рыбы. Ли задержала дыхание, не отводя взгляда от этого магического зрелища.

– Млечный кит, – пояснил Эф, уловив её интерес. – Их много в Море Гагарина. Через их тела проходит огромный объём воды, и они помогают повышать её меру. Очень полезные животные!

– Этот кит светился! Разве такие бывают? – удивлённо спросила Ли, не сводя глаз с воды.

– Наши генетики долго трудились над созданием морских обитателей, повышая их мерную производительность, – прокомментировал Эф с ноткой гордости. – Свечение, это побочный эффект их работы. Светящиеся узоры на спинах китов чем-то похожи на млечный путь, вот их и назвали млечными китами.

Ли хотела рассмотреть животных внимательнее, но их путешествие неумолимо продолжалось. Кабина мягко вынырнула из водной толщи, и девушку на мгновение ослепила яркая вспышка света. Когда её глаза привыкли, перед ней открылась восхитительная панорама внутреннего пространства станции. Дух захватывало от масштабов увиденного. Казалось, вся станция жила и пульсировала энергией.

Это было похоже на невероятно большое горное ущелье, полностью застроенное огромным городом, над которым нависало безоблачное небо. Высоко над головой светило яркое искусственное солнце, чуть больше земного по размерам, но менее тёплое. Привыкший к освещению взгляд начал замечать странности: высокие дома не стояли вертикально, а громоздились друг на друга, постепенно наклоняясь к центру «ущелья». Некоторые невообразимо высокие небоскрёбы будто упирались в небо, плавно растворяясь в его голубизне.

Постепенно Ли стало казаться, что город был построен на равнине, которую какой-то богзатейник свернул в трубу. Искажённая перспектива вызвала лёгкое головокружение, и девушка мягким движением оперлась на плечо Ника.

– Внутри станции расположен гигантский центральный цилиндр, тысячи генераторов оптического поля маскируют его под небо, – Эф продолжал исполнять роль гида. – Особое внимание уделено имитации солнца: в течение дня оно движется вдоль оси цилиндра, начиная свой путь на северном основании и заканчивая на южном. На «рассвете» и «закате» его цвет переходит в розовые и оранжевые оттенки, повторяя игру света земного оригинала.

– Это невероятно… – прошептала Ли, но затем с иронией добавила: – Внутри «неба», полагаю, находится Рай?

– Увы, – Эф оценил шутку. – Всё гораздо прозаичнее: там реакторные сборки, несколько мерно-обогатительных комбинатов, фабрикаторы, верфи и музей станции.

– Музей? Там, в «небе»? – с удивлением переспросила Ли.

– Да, – кивнул Эф. – Там расположен огромный вакуумный зал, где вращаются первые две станции: кольца изначального «Гагарина» и цилиндр «Гагарина-2». Как известно, «Гагарин-3» был повреждён при аварии во время Великой Пандемии Пояса. Его долго пытались восстановить, но в итоге разобрали, а из оставшихся материалов построили новую станцию. Так что «Гагарин-3» полностью утрачен, – с ноткой грусти добавил архитектор. – А вот «Гагарин-4» всё ещё на ходу – он слишком велик для музея и вращается неподалёку.

Ли перевела взгляд на панораму. Дальние здания терялись в голубой воздушной дымке, а из-за искажённой перспективы поверхность казалась необъятной, шире и обширнее любой земной. Невольно сравнивая эти виды с родной планетой, она почувствовала лёгкий трепет. Её взгляд ловил отражения света в окнах зданий, силуэты людей, прогуливающихся по мостам между башнями, вспышки малых дронов, снующих с грузами или занятых уборкой.

Этот новый мир одновременно казался ей чужим и удивительно знакомым.

– А что это за дуга в небе? – Ли указала рукой на блестящий отблеск над головой.

– Это не дуга, – неожиданно ответил Ник вместо Эфа. – Это один виток спирали, которая охватывает всё небо. Это памятник полёту Гагарина. На одном из концов спирали установлена скульптура первого космонавта. Так он приглядывает за своей станцией.

– Ага, вижу, – Ли разглядела фигуру на конце витка. – Красиво и символично!

Девушку посетила неожиданная мысль:

– Эф, скажите, – обратилась она к инженеру, – а все космические станции «обёрнуты» морем? На «Белом Слоне» было нечто похожее.

– Ну, не совсем, на «Слоне» там немного другой случай… – начал Эф, но, осознав, что вдаётся в лишние подробности, резюмировал: – В целом да, водные оболочки используют на большинстве современных станций. Они хорошо стабилизируют меру и решают множество других задач. Это оптимальное решение.

– Получается, – задумчиво произнесла Ли, – что для всех персов космос находится на дне моря? А мы поднялись сюда из подводного корабля «Наутилус» – прямо как в той старинной книжке!

– Любопытное наблюдение, – одобрительно заметил Эф, чуть приподняв бровь. – Надо будет как-нибудь обыграть эту мысль в следующей работе. Ли, я всегда говорил, что у вас необычное и образное мышление!

– Спасибо! – Ли улыбнулась, ожидаемому комплименту.

Тем временем их капсула резко нырнула вниз по магнитным направляющим, углубляясь в сплетения городских кварталов. На одном из фасадов Ли заметила надпись «Лунцево», но они пронеслись мимо, снижаясь куда-то глубже.

– Нам разве не в Лунцево? – недоумённо спросила Ли, обратившись к спутникам.

– Да, в Лунцево, – спокойно ответил Ветер. – Но сначала нужно заглянуть в одно полезное место.

Кабина остановилась на небольшой затенённой площади. Капитан, девушка и разведчик вышли наружу. Вокруг стояла прохлада, создаваемая тенями гигантских зданий, и в воздухе чувствовалась аура жизни большого города.

– Удачи! – попрощался Эф. Его ждали дела в местном Титулярном собрании, а затем лекция в знаменитом Гагаринском университете. – Увидимся вечером на корабле!

Он махнул рукой, прежде чем его капсула взмыла вверх, оставив их троицу в этом запутанном, словно лабиринт, уголке станции.

Возглавляемые Ветром, они двинулись вдоль того, что Ли могла бы назвать переулком. С одной стороны тянулась металлическая стена, украшенная ненавязчивым узором, создающим едва уловимый ритм. С другой стороны громоздилось хаотичное сплетение коммуникаций: вдоль поблёскивающих металлическим блеском труб вились завитки растений, напоминающих земной плющ. Трубы и лианы гармонично дополняли друг друга, сплетаясь в единую инженерно-природную композицию. Ростки растений были аккуратно подрезаны, чтобы не скрывать аншлаги и важные инженерные узлы. В то же время к бокам труб крепились клипсы, которые направляли и поддерживали стебли. Белоснежные соцветия плюща приятно контрастировали с холодным блеском металла, добавляя неожиданной живости техногенной фактуре.

Пока Ли любовалась этой необычной композицией, их небольшая группа подошла к неприметной двери с надписью: «Атец Лунцево». Небольшой экран рядом с дверью предупреждал красным: «Вход только по приглашениям».

Вокруг была тишина, лёгкий ветерок доносил сладкий и слегка горьковатый запах цветущего плюща, за стеной рядом ощущалась работа какого-то крупного механизма. В таких условиях было комфортно ждать, но надпись вспыхнула изумрудным: «Вы приглашены». Дверь плавно скользнула вбок.

– Что это за место? – поинтересовалась Ли.

Верный своей манере Ветер, устремился вперёд, поэтому ответил Ник:

– Похоже на клуб альфа-отцов. Если нужно что-нибудь узнать о детинце, то лучше начать с таких мест.

Они прошли через небольшой тамбур и оказались в просторном полутёмном помещении, напоминающем земной бар для спортивных ставок. Стены были уставлены визорами, на которых мигали какие-то показатели, графики и цифры. На некоторых экранах транслировались виды из камер наблюдения, судя по всему, установленных в самом детинце.

Зал был почти пуст: за десятком столов сидело лишь несколько мужчин, которые, попивая коктейли, сосредоточенно изучали информацию в своих виртах. У длинной барной стойки находился высокий стол, за которым расположился статный мужчина в годах. Он негромко разговаривал с барменом, но при появлении новых посетителей их беседа тут же прервалась.

– Альфа-отцы? – озадаченно переспросила Ли, вполголоса обращаясь к Нику, пока они двигались к стойке. – Это кто? Старейшины, управляющие детинцем?

– Ах, если бы! – вдруг улыбнулся бармен, обращаясь к Ли. – Не удивляйтесь, я хорошо читаю по губам. В детинцах царит матриархат! Всем заправляют матушки!

Его голос звучал как бархатный баритон, который приятно ласкал слух. Правильные черты лица, подчёркнутые аккуратной бородкой, и пронзительный взгляд делали его образ довольно привлекательным.

– Не часто у нас встретишь землянку, – заметил он дипломатично, указывая на высокие стулья у стойки. – Меня зовут Сто·Дар. А это, – он сделал жест в сторону статного мужчины за столом, который уже перекинулся парой слов с Ветром, – наш председатель, Гал·Тон.

– С Ветром мы давно знакомы, – неожиданно заговорил председатель. Его голос звучал твёрдо, но доброжелательно. – Когда-то он был моим вроде как учеником. О вас, Ник, Ветер отзывается с большим уважением – говорит, что вы талантливый капитан с неординарным мышлением. А ваша спутница – землянка Ли, верно? Я не напутал?

– Да, Ли·Ла, с Земли, – подтвердила девушка, внимательно изучая председателя. Его уверенный, даже властный взгляд, выверенная небрежность в одежде – всё это указывало на то, что он заправляет здесь всеми делами. Лёгкая седина в волосах говорила не столько о возрасте, сколько о размышлениях, которые оставляют свой след. В глазах председателя всё ещё мелькал лукавый блеск, напоминающий о былой молодости.

– Ли, – продолжил Гал, чуть склонив голову, – Ветер представил вас как выдающегося кибермонгера. Хотя ваш вид немного отличается от моего представления о кибердайверах, но Ветер всегда был безупречен в сборе оперативной информации – я ему доверяю.

Он оглядел присутствующих, словно оценивая их реакцию, и добавил:

– Судя по всему, вас привели ко мне дела скорбные. А у меня есть привычка сначала лучше узнать людей, прежде чем переходить к обсуждению серьёзных вопросов.

– Если вы настроены побеседовать, – улыбнулась Ли, присаживаясь за стол, – то для начала объясните, кто такие альфа-отцы и чем вы тут занимаетесь? Если, конечно, это не секрет.

– Никакого секрета, – председатель чуть улыбнулся уголками губ. – Признаться, я не ожидал, что придётся это объяснять. Впрочем, так же, как и встретить землянку в нашем клубе. Итак, альфа-отцы – это мужчины, которые стремятся всеми силами зачать как можно больше детей.

– Вроде земных пикаперов, которым недостаточно просто секса, вам ещё нужно, чтобы девушка забеременела? – с лёгкой насмешкой уточнила землянка.

Гал·Тон глубоко вдохнул, словно собираясь с мыслями, прежде чем ответить:

– Это будет сложнее, чем я предполагал. Похоже, вы совсем не знакомы с нашими реалиями? Ладно, начну издалека. Скажите, что самое ценное на Поясе, чего на Земле в избытке?

– Я могу долго перечислять, – пожала плечами Ли, – так что лучше сразу скажите.

– Хорошо, отвечу: в космосе мало меры, мало высокомерных ресурсов, из которых можно делать… – Гал·Тон задумался, словно подбирая нужное слово. – Да всё делать, всё, что вы видите вокруг. Конечно, здесь, в космосе, есть огромные планеты, крупные астероиды, но у них очень низкая мера. А их масса настолько велика, что они буквально «высасывают» меру из людей. Приближаться к таким объектам опасно, не говоря уже о жизни рядом. Поэтому мы хватаемся за все астероиды с высокой мерой, до которых можем дотянуться. Но даже их мера

слишком низка для наших нужд. Меру приходится повышать. И что, по-вашему, делает это лучше всего?

– Человек, – ответила Ли, чувствуя, что поняла, куда он ведёт.

– Не просто человек, – одобрительно кивнул председатель. – Огромные массы людей. И не просто людей, а счастливых людей, увлечённых своим делом. Ведь мера человека в угнетённом состоянии, унынии или ленности – довольно мала. Вся эта величайшая станция, – Гал широким жестом указал на потолок, как будто охватывая весь её масштаб, – по сути, это огромная фабрика по созданию счастливых людей. Отводя лишь доли процента меры от населения, станция обогащает меру мегатонн ресурсов.

Он выдержал паузу, словно давая слушателям представить себе всю мощь этой идеи, а затем продолжил:

– Чтобы человек был счастлив, он должен осознавать, что нужен и занят важным делом. Итак, в свете всего сказанного, какое самое важное дело на станции?

– Размножение? – иронично уточнила Ли.

– Верно! – с удовлетворением подтвердил Гал, игнорируя иронию собеседницы. – Рождение и воспитание детей – это самое важное и уважаемое занятие в космосе. И, теоретически, в хороших условиях люди любят этим заниматься. Но, как и в любой работе, даже в самом любимом деле, наступает усталость, пресыщение. Конечно, у всех это проявляется по-разному, но в среднем это так. К тому же, для женщин рождение детей сопряжено с множеством трудностей. Мы сделали всё возможное, чтобы минимизировать эти лишения, но полностью избежать стресса всё равно невозможно.

Он сделал паузу, словно подбирая слова.

– Поначалу молодая девушка полна энтузиазма, но после пятых или шестых родов «выгорает», теряет ту самую романтику процесса. Вот в этот момент нужен опытный романтик, чтобы вернуть краски в её жизнь. И, как правило, эту роль исполняем мы – альфа-отцы.

– Убеждаете рожать ещё? – Ли скептически прищурилась, пытаясь понять суть.

– Убеждаем? Нет, этим занимается государство, – улыбнулся Гал, откинувшись на спинку стула. – Около восьмидесяти процентов бюджета станции уходит на детей. Вы, наверное, уже в курсе, что на один вак можно прожить стандартные сутки на любой станции СВК: без излишеств, на стандартном рационе, так называемом «СРац», со стандартным пакетом информации – «СПИ». Мы это называем «спи и сри» – убого, конечно, но всё нужное включено и никаких проблем со здоровьем. Каждый, кто находится на станции, ежедневно получает один вак. Таким образом, весь персонал всегда обеспечен самым необходимым.

Он на мгновение замолчал, позволяя Ли осмыслить сказанное.

– В отличие от детей, – Гал сделал жест, как бы отделяя их от остального населения. – Каждый ребёнок на станции каждые десять минут получает не менее одного вака, а перспективные дети могут получать и больше. Где-то половина из этого потока сразу перечисляется родителям. Матери, как водится, больше, чем отцу. Бабушкам и дедушкам – меньше. Десять процентов выделяется на спецбонусы по воспитанию. Остальная часть идёт тому, кто осуществляет непосредственный контроль за ребёнком в данный момент. Мы называем их «надзорные». Если ребёнок в школе – ваки отходят школе и конкретному учителю, ведущему занятия. Если в саду – саду. Если выбежал в парк – в бюджет на озеленение. Потерялся – полиции.

Гал сделал выразительную паузу, прежде чем продолжить:

– В итоге получается, что если у мужчины есть пятеро детей, то чисто на «отцовские» он уже может позволить себе спать в высокомерной постели и питаться не каждый день из фабрикатора. А с десятка отпрысков можно жить вполне комфортно, и даже иногда позволять себе лишнее.

– То есть вас банально покупают за ваки! – воскликнула Ли, сдерживая саркастическую усмешку. – И вас альфа-самцов и бедных девушек, всех вас соблазняют деньгами! Вы-то сде-

лали дело – и сразу на высокомерный диван – «позволять себе лишнее». А девушке – всю жизнь возиться с детьми!

Гал рассмеялся коротким, но глубоким смехом и покачал головой:

– Вы упустили важный момент. Если матери не хочется «возиться с детьми», найдётся масса желающих подменить её, получая «надзорные». У нас целая индустрия нянь – от обычных до кибертехнических. Но ваки здесь – лишь инструмент. Главное в другом: на станции создаётся образ успешной женщины, для которой иметь много детей – это не просто норма, а знак высшего статуса. Этот образ продвигается тонко и последовательно.

Он сделал выразительную паузу, внимательно глядя на Ли.

– Поймите, если бы правительство просто твердило: «Рожайте больше, да лучше», но не подкрепляло это финансированием, все бы сразу почувствовали фальшь. Или наоборот: «Вот вам ваки – рожайте». Это тоже не сработало бы. Только комплексный подход: сильный образ успешной матери с серьёзной поддержкой – создаёт нужный эффект, чтобы ни у кого не возникло сомнений в значимости этого дела.

Гал немного помолчал, будто обдумывая, не слишком ли глубоко он погрузился в объяснения, затем продолжил:

– Здесь, кажется, мы даже перестарались. Женщины в детинцах считают ваки пустяками, пылью. Для них самое значимое – дети. Поэтому, если вы появитесь там наверху, – он указал рукой над собой, – на вас будут смотреть с любопытством, но всё же свысока.

– С чего бы это? – удивлённо спросила Ли.

– Ну, по вашей одежде сразу видно, что вы с Земли. У вашего платья земной оттенок голубого, а узор на подоле говорит, что детей у вас нет – то есть вы «пустышка» на детинцевом сленге. Судя по вашему виду, время первых родов вы уже пропустили. Если вы бесплодны, то можете рассчитывать на сочувствие, но за глаза вас будут называть «инферка» – то есть инфертильная. А вот если детей у вас нет по личным соображениям, то вы – «гнилушка».

Гал прищурился, будто разглядывая что-то невидимое.

– Однако в вашем узоре можно заметить отметку, что в целом вы детей любите и обязательно их заведёте. А ещё вы… цитово дерзкая.

– Цитово дерзкая? – переспросила Ли, приподняв бровь.

– Ну, я смягчил, – сдержанно улыбнулся Гал и указал на рукав платья девушки. – Вот эти завитки говорят, что у вас высокий уровень амбиций и… стервозности.

– Я стерва? – Ли выразительно посмотрела на Ветра, который выбрал для неё этот наряд.

– Ну, вы амбициозны, – попытался сгладить ситуацию Ве. – К тому же это прикрытие, так нужно для требуемой реакции окружающих.

Бармен Сто·Дар улучил момент, чтобы поставить перед Ли бокал с напитком, что оказалось весьма кстати. Девушка осторожно отпила, но, в угоду своей мнительности, сначала проверила уровень меры напитка – всё-таки они не на Земле, где мера в изобилии. Однако всё оказалось в норме, даже слегка выше нормы. Сам напиток был вполне сносным: энергетически-мерный коктейль, который приятно освежал и придавал сил. Ли одними лишь движениями губ сказала беззвучное «Спасибо!» бармену, и тот ответил коротким кивком. Гроза прошла, и девушке уже не хотелось злиться.

– Сто, сделай и мне, как обычно, – попросил бармена председатель, затем обратился к Ли: – Не переживайте, в детинцах женская амбициозность и дерзость ценятся. Однако в сочетании с отсутствием детей это выглядит как вызов местным традициям. Впрочем, для землянки это простительно. Тем не менее ваш наряд точно привлечёт внимание: о нём будут сплетничать в детинце не меньше недели. Это довольно тонкий ход: эффект от вашего появления скроет его истинную цель.

Председатель выдержал небольшую паузу, потом перевёл взгляд на Ветра:

– А теперь, самое время её обсудить. Что привело вас в мою скромную обитель?

Выключив улыбку, Ветер мгновенно обрёл деловой вид:

– Это секретное дело, только между нами… – вполголоса начал сотрудник разведки.

– Не нагнетай, – приструнил его председатель. – У нас с тобой других не бывает.

– Ладно, но этот случай особый, – заметил Ве, слегка наклонившись вперёд. – Он затрагивает лично тебя.

Гал·Тон прищурился, его взгляд стал цепким. Заинтригованный, он жестом предложил продолжить.

– Позавчера вечером на франке «Космолюкс» пропала твоя «звёздочка» Инн·Аа. Её сопровождала подруга из вашего детинца, Тро·На.

На лице председателя мгновенно отразился гнев. Его кулаки сжались и разжались с медленной, угрожающей напряжённостью. Он несколько раз глубоко вдохнул, стараясь подобрать слова:

– Вот же… – его кулаки снова сжались. – Вот же… – Гал тщательно подбирал выражение. – Погань… Эта Тро·На. От неё одна пыль…

– Успокойся, – Ветер мягко положил свою руку на кулак председателя. Его голос звучал уверенно и обнадёживающе. – Я лично занимаюсь этим делом. Ты знаешь, что это значит.

– Спасибо, – Гал разжал кулак и залпом осушил свой бокал. – Спасибо, что занялся этим, и спасибо, что сообщил. Я это оценил. Любая помощь… Да я всех на ноги подниму, ты же знаешь – я могу!

– Знаю, – кивнул Ветер. – Но сейчас это ни к чему. Повторяю, дело секретное. Затронуты интересы «Староорбитска». Ну, ты сам понимаешь… Расскажи об этой Тро·Не. У нас на неё ничего нет.

– Да что тут говорить… Обычная «низушка», фемпотенциал четыре с небольшим. С детства вцепилась в Инн, тянула из неё фемкредит. Позже связалась со всякой сволочью из «МоёТело». Но к тому времени Инн уже покинула Лунцево. Вам следует нагрянуть в местную ячейку этих пыльных му… – Гал осёкся, взглянул на Ли и поправился: – …поганцев. Простите, Ли.

– Ничего, я понимаю, – сдержанно ответила Ли, стараясь выглядеть сочувствующей. – «МоёТело» – это местные экстремисты?

– Экстремисты – это громко сказано, – презрительно заметил Гал. – Просто отребье, которое протестует и требует, чтобы девушкам перестали давать ваки.

– Они хотят финансово ограничить женщин? – недоумённо уточнила Ли. – И этим как-то привлекают таких как Тро·На?

– Долго объяснять, – отмахнулся Гал. – Там всё непросто…

– А ты объясни, – спокойно возразил Ветер. – Обычно такие разговоры тебя успокаивают. А по ходу рассказа, может, что-то полезное вспомнишь.

Понадобилась минута, чтобы Гал·Тон успокоился и собрался с мыслями:

– Если сжато, то, когда девочке устанавливают первый фемплант, оценивается её фертильный потенциал и составляется оптимальный график возможных родов – фемплан. Этот план учитывает особенности её организма и позволяет обеспечить рождение здоровых детей. На основе данных фемплана рассчитывается экономический потенциал будущего потомства – крупная сумма, которую называют фемкредитом.

Он сделал небольшую паузу, чтобы подобрать слова.

– С этого момента девочка может распоряжаться этими средствами для своих нужд или удовольствий, как сама решит. Возвращать кредит не нужно – достаточно рожать в соответствии с фемпланом, и он будет погашаться автоматически. Конечно, если девочка решит не использовать эти средства, то и погашать ничего не потребуется. Кроме того, если позже взрослая женщина решит сделать карьеру перса и реализоваться в другой области, она сможет погасить использованный кредит заработанными ваками, а не детьми.

Закончив с кратким изложением фактов, мужчина задумался.

– С женщинами бывает непросто, – констатировал он. – С деньгами тоже всё далеко не всегда просто. А когда эти два фактора складываются вместе, результат может быть взрывным. Фемкредит – это вечная тема для здешних споров и кривотолков. Но сейчас нас интересуют претензии «МоегоТела».

Он слегка наклонился вперёд, прищурив глаза, словно подбирая слова.

– Я не стану пересказывать всю пыль, которую они несут. Пусть они говорят сами за себя. Вот их пропагандистский ролик.

Над барной стойкой развернулся общий визор, с которого на зрителей смотрело лицо красивой девушки. Её молодость и лёгкий, чуть наивный взгляд излучали открытость миру и надежду на лучшее. Фокус визора постепенно отдалился, открывая сцену: девушка была облачена в лёгкие золотые доспехи, её руки излучали магическую энергию, лечащую товарищей, сражающихся с драконом. Огромный дракон наседал, и надежды авантюристов угасали с каждой секундой.

Вдруг девушка открыла магический интерфейс с изображением меча, подписанным «Убийца драконов. 1000 ฿». Звонко звякнула монета, и целительница извлекла из воздуха сверкающий меч, передавая его рыцарю. Мягкий закадровый голос проникновенно произнёс: «Ты чуткая! Не оставишь друга в беде!»

Фокус снова приблизился к лицу девушки, подчёркивая её искренность, а затем сменил сцену. Лёгкая музыка наполнила пространство. Теперь девушка шла по пышному парку в сногсшибательном красном платье, которое удивительно гармонировало с цветущими вокруг розами. Рядом прогуливались и другие женщины, но их одежды выглядели блекло и невзрачно на фоне её великолепия. Закадровый голос добавил с лёгкой интригой: «Ты носишь стильное, а не робу из детинца!»

В этот момент Ли критично оглядела свой наряд, подозрительно напоминающий те самые «робы» из ролика.

Тем временем, через крупный план лица героини, сцена снова изменилась. На этот раз девушка танцевала под звуки вальса в просторном зале, украшенном актуальными картинами и изысканной мебелью. Тот же мягкий голос за кадром пояснял: «Ты изысканная! Красота должна окружать тебя, как оправа – драгоценный камень».

В следующей сцене героиня наслаждалась изящным десертом, а голос продолжал: «Ты утончённая! Ты ценишь тонкие ароматы и вкусы. Подделки из фабрикатора – не для тебя».

Вновь крупный план красивого лица, словно обещающий новый поворот сюжета. Но камера неожиданно замирает. Лицо девушки искажает гримаса боли, на щеку падает капля крови. Только теперь фокус визора медленно отъезжает, раскрывая сцену: испачканная кровью медкапсула, мрачные фигуры, окружившие её. Прежний голос за кадром звучит с тревожными нотками: «Они используют твою уникальность и лучшие качества, чтобы подчинить себе! – На фоне слышится неприятный, пронзительный плач младенца. Голос добавляет: – И использовать твоё тело!»

Мрачная музыка усиливает тревожное напряжение, погружая зрителей в атмосферу страха и безысходности.

«Они хотят, чтобы ты отказалась от красоты и стиля!» – девушка с огромным животом грустно смотрит на своё стройное платье.

«От любимых вкусов!» – тёмная фигура смахивает изысканные десерты со стола.

«Они называют тебя – Ресурсная Популяция, или РесП!» – видеоряд уходит в символизм: девушка в балахоне с надписью «РесП» скована по рукам и ногам.

«Они закрыли тебя в тюрьму, называемую детинцем, где ты изрожаешься и умрёшь! – напряжение в музыке достигает кульминации, а голос почти кричит. – Неужели выхода нет?!»

Вспышка.

Свет разрывает узы и мешковатую одежду девушки, обнажая её стройную, красивую фигуру, парящую в ослепительно белом пространстве. Приятная мелодия сменяет мрачные ноты, обещая новое начало.

Над героиней появляется логотип «МоёТело», а голос заверяет: «"МоёТело" – ключ к новой жизни. Ты не РесП. Ты – женщина!»

Девушка начинает медленно парить вниз, по мере движения её тело облачается в простую, но стильную одежду. Наконец, героиня ролика опускается на место в центре праздничного стола, окружённого приятными и красивыми людьми. Композиция кадра вызывает ассоциации с «Тайной вечерей» от ЛдВ.

Голос за кадром убеждает: «Есть место, где тебя будут окружать подруги и восхищённые поклонники. Ты будешь жить в среде любви и понимания! Тебя ждёт коммуна "Амазонки С37". Всё, что от тебя потребуется, у тебя уже есть. Переведи нам остатки фемкредита… – На экране мелькает титр: "не менее 48 000 ฿". – …и через несколько дней ты будешь свободна и среди друзей!»

Визор погас.

– Схема проста, – пояснил Гал, – они осваивают остаток фемкредита, а сами селят наивных простушек в равномерном притоне на одном из франков, где нет выдачи в СВК.

Всё ещё осмысливая клип, Ли поделилась вопросами, что возникли у неё:

– Если они строят своё дело на использовании фемкредитов «простушек», то почему они выступают против этих самых кредитов? А не требуют их увеличить, например? Это было бы логичнее. И если вы видите всю эту схему мошеничества, то почему не прикроете эту лавку?

Председатель усмехнулся с едкой иронией:

– В том-то и дело, что выступая против фемплана, они находят единомышленников и клиенток. У нас есть те, кто недоволен положением дел, а «МоёТело» умело позиционирует себя как оппозиция. Если прикрыть их, это только повысит напряжённость.

Он сделал короткую паузу, чтобы Ли успела осмыслить услышанное, и продолжил:

– К тому же они пылесосят «низушек» по детинцам, а это в целом идёт на пользу. В общем, мерзавцы нашли свою нишу. Но, на мой взгляд, действуют слишком эффективно – дурманят голову и нормальным девушкам, утягивают их в неприятности.

– Вы несколько раз упомянули «низушек». Кто это? – заинтересованно спросила Ли.

– Вот это вы зря, – усмехнулся Ветер. – Это любимая тема Гала. Теперь его не унять. – Разведчик улыбнулся, а затем добавил: – Хотя нас наверху ждут только через час, время поговорить есть.

– Что такое геном? – начал Гал с интонацией, предполагающей долгий монолог. Ли машинально устроилась поудобнее, предвкушая обстоятельный рассказ. – Раньше наивно полагали, что геном – это ДНК, РНК и другие молекулы. Но это роковое заблуждение! КДК на этом крупно прогорели полтора столетия назад.

Он сделал паузу, словно проверяя, следят ли за его словами.

– ДНК – это всего лишь мёртвая молекула. Если собрать её из произвольных атомов, нормальный организм не получится, особенно человек. Всё потому, что в этой молекуле важен не только верный порядок атомов, но и правильный набор фуг в них. Сама молекула – это как железо у компьютера, а тонко настроенный набор фуг – это его софт. Одно без другого не работает.

Ли нахмурилась, пытаясь уловить суть.

– Наследственная информация действительно закодирована в последовательности ДНК, – продолжил Гал, – но это лишь вершина айсберга. Намного больше информации хранится в фугах этой молекулы. Теоретически, там можно хранить память всех поколений!

Зачатие, это не две молекулы в миксере перемешать, – продолжил Гал, увлечённо жестикулируя. – Это предельно сложный процесс. Включаются особые естественные механизмы пле-

тения, которые тщательно подгоняют одни атомы к другим и настраивают их фуги. Это совершенно не случайный процесс – природа не «подбрасывает кости», создавая новую жизнь, а действует планомерно и гармонично. Детерминированно!

Он выдержал паузу, словно хотел усилить эффект от сказанного.

– Однако для зачатия необходим определённый псевдослучайный набор начальных параметров. Где природа берёт их, если не пользуется игральными кубиками?

Гал хитро прищурился, словно собирался поделиться особенно важной тайной:

– Разгадка оказалась неожиданно простой: в кеше обычных бета-фуг всегда хранится конфигурация ближайших крупных масс. Положение Сола в галактике, расположение планет системы, крупных спутников и астероидов. Эти данные необходимы для обсчёта движения монад, поэтому всегда доступны при плетении. Они постоянно обновляются и их сложно предсказать – идеальный источник псевдослучайной последовательности.

Он поднял палец, словно подводя к главному выводу:

– На бытовом уровне это звучит ещё интереснее: тонкие настройки нового организма зависят от положения места его зачатия относительно Зодиака и от конфигурации планет в данный момент! То есть древние астрологи, возможно, были не совсем шарлатанами!

Поначалу Ли только иронично улыбнулась, затем её взгляд скользнул по лицам спутников в поисках поддержки своему скептицизму. Может, Ветер? Он ведь всегда отличался здоровым прагматизмом?

– Ве, вы же не верите во всё это? – скептически спросила Ли, глядя на следователя.

– Я разведчик, – спокойно ответил Ветер. – Моё дело – собирать сведения. Многие в это верят, а я просто беру этот факт в расчёт.

Ответ был прагматичным, но, судя по выражению лица землянки, её он явно не устраивал.

– Ли, мы же здесь во многом из-за Инн·Аа, верно? – продолжил Ве, ловя утвердительный кивок девушки. – Вот именно. А Гал – её создатель.

– Атец? – язвительно уточнила Ли, прищурившись.

– Нет, – усмехнулся разведчик. – На самом деле Гал·Тон – один из лучших филархов этой станции. Он создаёт выдающихся людей.

– Создаёт? – переспросила она, удивлённо вскинув брови.

– Именно, – подтвердил Ветер. – Гал находит подходящие пары, исследует их наследственность, изучает ДНК, выверяет идеальный момент. Если люди следуют его рекомендациям, рождаются дети с выдающимися талантами.

Ветер выдержал паузу, словно давая Ли осмыслить услышанное, а затем добавил:

– Мы можем сколько угодно сомневаться в его теориях, но ведь вы видели актёрский талант Инн·Аа? В ней есть что-то притягательное, что сложно описать словами.

Он сделал ещё одну паузу, а затем неожиданно добавил:

– Кстати, не сочтите за лесть, но нечто подобное есть и в вас.

– Во мне? – удивлённо переспросила Ли.

– Да. Филархи называют это благодатью, – заключил Ветер.

Неожиданный комплимент заставил Ли слегка зардеться. Втайне она надеялась, что в полутёмном помещении её смущение будет не так заметно.

– Ник, ты же скептик? – Ли попыталась найти опору в своём парне.

– Ха! – вмешался Ветер, усмехнувшись. – Ник – флотский, из Академии. Он по определению во всё это верит!

– Это так, Ник? Вы из Лётной? – оживился Гал, который всё это время с интересом наблюдал за сомнениями землянки. – Вероятно, вы слышали о Нос·Тро из кафедры Навигации?

– Конечно! – с воодушевлением ответил недавний курсант Лётной. – Нос·Тро «Звездочёт» мой личный наставник по навигации. Я у него многому научился!

– Похвально! Нос «Звездочёт» – гениальный космолог. По его картам мы, филархи, выстраиваем всю свою работу!

– Я не верю своим ушам! – разочарованно призналась Ли.

– Зря, – спокойно возразил председатель Гал·Тон, и как выяснилось, гуру филархии. – На Земле люди долгое время лечились травами. Это ведь тоже наука, пусть и наивная. Фармакология занимается тем же, только ищет лекарственные средства не на лугу, а в справочнике по химии. Ведь пока химии ещё не существовало, людям всё равно нужно было лечиться.

Он сделал небольшую паузу, чтобы девушка успела осмыслить его слова, и продолжил:

– Издревле астрология тоже была наивной наукой. Но когда вышел великий «Кодекс Нитей»…

– От Безликого? – вдруг резко уточнила Ли. В полумраке никто не заметил, как она побледнела.

– Вы знаете о нём? – Гал не смог скрыть своего изумления. – Это очень камерное исследование, мало кто способен его понять…

– Это научный псевдоним моего отца, – отрешённым шёпотом произнесла Ли, и тут же пожалела, что сказала это вслух. Поспешно отпив из бокала, она поставила его перед собой, пытаясь скрыть волнение.

Казалось, время застыло. Гал осмысливал услышанное, погружённый в собственные мысли. Ник, хорошо знавший, что любое упоминание родителей причиняет Ли боль, замер, опасаясь даже пошевелиться. Всегда отлично чувствовавший общую атмосферу Ветер с интересом наблюдал за происходящим. Он уловил, что ситуация принимает неожиданный поворот, и такой момент нельзя сорвать неловким движением.

Внезапно председатель склонился над столом, глядя Ли прямо в глаза. Его взгляд был проницательным и сосредоточенным. Правой рукой он аккуратно взял её бокал, словно это был самый драгоценный предмет.

– Сто! – приказал он бармену, не сводя взгляда с девушки. – Немедленно положи это в стазис-сейф. Для меня это самое ценное, что есть на этой станции!

Однако бармен даже не сдвинулся с места.

– Ну же! – Гал нетерпеливо потряс бокалом. – Мера распадается! Каждая секунда на счету!

В этот момент председатель ощутил холод у своего затылка.

– Верните бокал моей девушки на место, – спокойно попросил Ник, упираясь стволом Правосудия в голову ретивого похитителя мерного ДНК.

Губы Ника сложились в кривую усмешку, словно угроза оружием доставляла ему извращённое удовольствие. На самом деле его развеселила реплика Правосудия: «О да! Люблю такое! Для таких случаев у меня даже есть специальный охладитель кончика ствола!»

Сталь обжигала ледяным прикосновением, и председатель медленно отстранил голову, обращаясь к Ветру с упрёком:

– Вы же при исполнении на станции! Даже разведка не имеет права так действовать на сватах СВК.

– Он не совсем наш, – спокойно заметил Ветер, – он просто работает с нами.

– Не при исполнении и носит оружие здесь? Как такое возможно?! Почему ты его не остановишь? – недоумевал филарх, не сводя взгляда с направленного на него ствола.

– Всё-таки вспомнил о законах! Не ты ли, минуту назад, хотел нарушить всесолярный закон о конфиденциальности ДНК прямо у меня на глазах? – резонно уточнил Ветер. – Это дело между тобой и капитаном Ник·То. Он вправе пришить здесь всех, а я буду только наблюдать. Он – официальный полномочный решала.

– Агент-адмирал, – упрямо поправил Ник.

– Да, простите, – исправился Ветер, – он – официальный полномочный агент-адмирал.

– Как в «Однажды в вакууме»?! – председатель был ошеломлён.

– Да, вроде того, – признал Ве с лёгкой небрежностью.

Гал, очень медленно и с явной неохотой, поставил бокал обратно перед девушкой. Было заметно, как тяжело ему расстаться с находкой даже под столь очевидной угрозой для жизни. Однако вид флотского офицера и, особенно, эта его кривая ухмылка не оставляли никаких сомнений – выстрелит, не задумываясь.

В своих мыслях председателю пришлось признать, насколько он недооценил этого парня. С виду совсем не такой яркий, как его спутница, но на деле оказался даже твёрже, чем Ветер. А ведь Ветер многим мог дать фору.

В застывшей тишине вдруг раздался громкий звон. На мгновение Гал решил, что в него всё же пустили пулю, и через долю секунды он ощутит боль от ранения. Действительно, от неожиданности Ник с величайшим усилием удержал руку, чтобы не нажать на спусковой крючок. «Не дрейфь, – раздалось в его сознании успокаивающее замечание пистолета, – для таких случаев у меня есть ментальный предохранитель. Если ты не думал стрелять, то и я не подумаю!»

На столе перед Ли лежали осколки разбитого бокала. Девушка сосредоточенно выискивала что-то среди них. Наконец, взяв один из осколков, она проткнула им палец, а затем протянула стекляшку с каплей своей крови Галу.

– Вот, возьмите. – Ли смотрела на председателя, её голос звучал твёрдо. – Я многое ещё не поняла в наследии моего отца. Разобралась только в математике и кибернетике, а работы под именем Безликого ещё не изучала. Объясните, зачем это вам?

Гал бросил осторожный взгляд на Ника. Тот пожал плечами и, ловким, почти незаметным движением, убрал пистолет в кобуру.

Не скрывая облегчения и радости, председатель бережно, словно драгоценность, принял осколок из рук Ли.

– Незадолго до своего исчезновения, Безликий писал, что его настоящий магнум опус – это не мёртвая книга, а живое творение, – сказал он с благодарностью, передавая осколок бармену. – Он утверждал, что у Безликого не было того, что теперь у него есть. Что теперь он обрёл Лик.

Гал внимательно посмотрел на Ли, словно выискивая в её чертах нечто сокрытое.

– Сейчас очевидно, что или кого он имел в виду. Верно, Ли? Или, точнее, Лик? – его голос стал мягче, почти благоговейным. – Ваша благодать несомненна. Я её сразу ощутил. У меня глаз намётан на такое!

Острый взгляд председателя внимательно изучал Ли, затем он перевёл глаза на Ника.

– Ваш образец мне тоже интересен, – произнёс он, обращаясь к капитану.

– Аппетит приходит во время еды? – с ухмылкой откликнулся Ник.

– Дай ему, – неожиданно поддержала председателя Ли. Подарив мимолётный взгляд Нику, она с долей кокетства предупредила: – если что, у меня весь фемплант забит твоими «образцами».

Ник хмыкнул, а затем, выискивая подходящий осколок среди россыпи на столе, проткнул палец. Капля крови собралась на кончике стекла, и он передал её председателю. Гал бережно принял новый осколок, словно в руках у него снова была ценнейшая реликвия, и кивнул с благодарностью.

– Надеюсь, всё, что здесь произошло, останется в тайне, – заявил Ветер, обращаясь больше к членам клуба альфа-отцов, которых привлекла суматоха у стойки.

– Ять! – поддержал его председатель, обведя взглядом собравшихся. – Слышите все! – громко объявил он. – Если кто-то проговорится о том, что здесь увидел, он больше не сможет

зачать ребёнка ни на одной станции Пояса. Это я гарантирую. А вы знаете, чего стоит моё слово!

Статный блондин с ухоженной шевелюрой, стоявший ближе всех, улыбнулся обворожительно:

– Гал, не пыли! Ты же знаешь, мы не из болтливых, – заверил он и почти развернулся, чтобы уйти. Однако, остановившись на полпути, бросил взгляд на гостей. – Вы же сегодня собираетесь наверх, в детинец?

– Да, есть такие планы, – признался Ветер.

– Спасибо, за информацию, – поблагодарил блондин. – Ваше появление там будут обсуждать до конца дня. Рассчитывать на «романтик» в такой атмосфере глупо. Нужно дать отбой парням, кто был настроен на «пролив» сегодня.

– Понимаю, – извинился Ве с лёгкой улыбкой. – Одно время я и сам «фемил».

– Да без проблем, – отозвался блондин и, оценивающе осмотрев Ника, добавил: – Завтра на флотскую форму аппетит в детинце будет зверский. Всё наверстаем, даже больше. Думаю, на экспромте годовой рекорд поставим, переплюнем Валентина и мартовские. Нужно будет всё тщательно спланировать, раскидать цели по атцам. Удачи!

С этими словами он поспешно удалился. Остальные члены клуба, засуетившись, тоже быстро разошлись по внезапно возникшим делам. Бар клуба заметно опустел.

Ситуация за столом разрядилась, и все собравшиеся по-новому взглянули друг на друга. Тишину прервал председатель:

– Простите. Не знаю, что на меня нашло. Грааль был так близок… сорвался, – признался он, тяжело вздохнув. – Виноват мой образ мысли альфа-отца: сначала действуй, а извиняться будешь по ситуации. С женщинами это, как правило, самая действенная тактика.

За столом снова повисла неловкая пауза. Тем временем сервисный бот, стараясь не потревожить собравшихся, педантично собирал осколки бокала со стола. Чтобы достать до самых дальних обломков, ему приходилось изрядно выгибать суставы, которые издавали время от времени мягкий, но недовольный гул.

– Вы так и не объяснили, кто такие «низушки», – тихо сказала Ли, наблюдая за стараниями бота. Её руки ненавязчиво пододвинули дальние осколки стекла к его манипуляторам. Казалось, что бот был ей благодарен. Во всяком случае, теперь он гудел менее ворчливо.

– Всё дело в благодати, – Гал с воодушевлением подхватил тему, стараясь сгладить предыдущую неловкость. – Дискретные физики часто говорят о важной роли человека как Наблюдателя, который фиксирует квантовое состояние Вселенной. Учёные до сих пор не выяснили, почему именно мы обладаем такой уникальной способностью, но давно определили, что она передаётся нам от матери, пока мы находимся в её утробе.

Он сделал паузу, позволяя слушателям осмыслить сказанное, и продолжил:

– Именно поэтому провалились многочисленные проекты искусственных инкубаторов, особенно болезненно это отразилось на КДК, коалиция возлагала на эти технологии большие надежды. Известно, что люди обладают способностью Наблюдателя в разной степени, а уровень проявления этой способности называется благодатью. Чем выше благодать, тем интенсивнее и интереснее мышление человека, гармоничнее его восприятие мира, тем эффективнее он повышает меру и сильнее воздействует на окружающий его мир.

Гал оглядел присутствующих, оценивая их реакцию, и добавил:

– Практически всю свою благодать человек получает от матери. Конечно, существуют способы развить её со временем, но они требуют особых практик осознанности и доступны далеко не всем. Естественно, девушки с высокой благодатью очень ценны. Большинство же девушек, у которых способности на среднем уровне, работает над собой, чтобы передать как можно больше благодати своим детям.

Тут он понизил голос, словно говоря о чём-то особо печальном:

– А вот тех девушек, чья благодать изначально низка, и у которых нет достаточной воли для её компенсации, называют «низушками». Обычно им ставят очень низкий фемплан, а их фемкредит, соответственно, оказывается невысоким.

– Как-то несправедливо для тех, кто родился низушкой, не правда ли? – уточнила Ли, нахмурившись.

– Низушками не рождаются, – терпеливо пояснил Гал. – Рождаются с низким уровнем благодати. Да, это несправедливо, но сама жизнь такова. Только когда девушка с низкой благодатью опускает руки, перестаёт работать над собой, она постепенно становится низушкой.

Он сделал паузу, желая подчеркнуть свои слова, затем продолжил:

– У каждого есть выбор. В конце концов, девушка может найти себе другое дело, пойти на службу в персонал или даже на флот. Женщины всегда стремились, чтобы в них видели нечто большее, чем просто тело для воспроизводства.

Гал вздохнул, и в его голосе прозвучала нотка сожаления:

– Трагедия низушек в том, что они хотят быть «телами», но жизнь заставляет их быть кем-то другим.

– А среди мужчин есть аналог низушек, которые хотят быть «телами», но не могут? – с иронией спросила Ли. – Или все в атцы годятся?

– Вы язвительная особа, – признал Гал, улыбнувшись беззлобно. – Альфа-отцы – это элита станции, её генофонд. Чтобы стать атцом, нужно обладать перспективной ДНК с резонансным набором фуг, который может повышать благодать детей. К тому же требуется призвание, талант к общению с женщинами. Таких как мы – сотые доли процента от всей популяции!

Он сделал выразительный жест рукой, словно собирая мысли:

– Большинство мужчин либо воспитывают детей в детинцах, либо служат здесь же, в урбах. А те немногие, у кого есть нужные качества, – председатель кивнул в сторону Ника, – идут на флот.

Гал выдержал паузу, словно подбирая слова для следующей фразы:

– Конечно, находятся и такие, кто не может найти себя. Мы их называем «одноваки» – они прозябают на один станционный вак в день, приживаясь на соцуровнях урбов.

Отражение десятки мечей

Большой пассажирский модуль плавно скользил вверх, за его окнами проплывали хозяйственные уровни, одинаковые на вид как здесь, так и на Земле. Ли стояла у окна, терпеливо ожидая, когда ей откроются виды детинца.

Случайный отблеск света скользнул по панели модуля, высветив тщательно затёртую надпись: «Ро+Джу=». Разглядеть, чему равняется это уравнение, не удалось, но догадаться было несложно. Чуть ниже мелькнуло призрачное очертание матерного слова, стереть которое постарались ещё тщательнее. "Подростки", – усмехнулась Ли своим мыслям, – "они везде одинаковы, хоть здесь, хоть на Земле".

Да и сам транспортный модуль почти не отличался от тех, что ходят по московским субуркубам. Их специально делают просторными и неиндивидуальными, чтобы пассажирам приходилось пересекаться и взаимодействовать во время поездки. В своё время чрезмерная атомизация общества стала серьёзной проблемой, и урбанисты начали разрабатывать способы чаще сталкивать людей вместе в общих пространствах.

Модуль начал замедлять ход, и рядом со створкой двери появилась надпись: «Медотсек ♁♆/3 ЖивитеЗело/3». Когда двери открылись, в салон плавно вкатилась пустая детская робоколяска, а следом за ней вошла молодая мама с младенцем на руках. Мужчины встали, словно по команде, и Ли удивилась автоматизму их действия. «Аура детинца на персов действует безотказно», – подумала она.

Новая пассажирка скользнула взглядом по землянке, и Ли почувствовала себя так, словно её подвергли тщательному сканированию. Взгляд мамы остановился на Нике, и она вдруг улыбнулась, протягивая младенца красавцу во флотской форме:

– Подержите, – сказала она тоном, не терпящим возражений.

Судя по выражению лица младенца, он собирался расплакаться, но, оказавшись в руках Ника, передумал. Его внимание привлекли блестящие квалификационные значки на груди каптри, особенно ярко-алый ромб аса. Пухлая ручка потянулась к новой игрушке. Тем временем мама, слегка расслабившись, принялась искать что-то в робоколяске, пока модуль продолжил движение.

Значок аса не поддавался неловким пальчикам, младенец снова собирался расплакаться.

– Дай его мне, – сказала Ли, протягивая руки к Нику. Она осторожно приняла малыша.

– Я своего ребёнка доверила флотскому, – строго заявила мама, делая ледяной акцент на слове «своего».

– Кто тут у нас такой красивый? – проворковала Ли, улыбаясь малышу. Кроха тут же передумал плакать и радостно улыбнулся в ответ. – А я взяла ребёночка у своего парня, – добавила Ли, выделив слово «своего» с той же «тёплой» интонацией и продолжая смотреть на малыша.

От младенца приятно пахло, и он вызывал умиление своим видом. Ли не ожидала, что ей настолько понравится нянчить кроху.

Наконец, мама нашла то, что искала.

– Пустышка, – сказала она, держа в руке детскую пустышку, но обращаясь к Ли. – У нас, не как на Земле, мужчины никому не принадлежат, – добавила она с легкой насмешкой, протягивая руки к ребёнку.

– Тем хуже для вас… и для детей, – ответила Ли, с сожалением расставаясь с малышом.

– Мне лучше знать, что нужно детям, – заметила мама, вкладывая соску в ротик младенца. Тот тут же с энтузиазмом принялся её посасывать. – У меня этот уже шестой, – добавила она с явным превосходством.

В этот момент двери модуля распахнулись. Мамаша, не глядя на собеседников, высокомерно бросила:

– День! – И так же надменно вышла, оставляя Ли с лёгким ощущением досады.

– Ве! – обратилась Ли к Ветру, когда модуль снова двинулся. – Ты успел разглядеть: она стерва?

– Да, младшая стерва, – спокойно ответил разведчик, никогда не упускающий детали из виду. – Шесть детей, четыре девочки, мать третьей категории, член общества развития культуры, одна звезда за особо перспективного ребёнка. Входит в резерв комитета детинца, характер ровный, в сомнительных связях не заинтересована.

– Это вы всё по узору прочли? – удивилась Ли.

– По узору и крою платья, – уточнил Ве с лёгкой улыбкой, явно довольный своей наблюдательностью.

В комзону визора Ли свалился входящий титр от Холмса: «Возможно, это будет тебе полезно». К титру был приложен визуальный фильтр, помеченный: «Распознавание отличительных внешних признаков классификации в детинцах». Не мешкая монгерша тут же установила фильтр в свой зрительный конвейер распознания.

«Землянка, фертильна, бездетна, – замелькали титры поверх узоров её платья, – уёмная стерва, благосклонна к детям. Фемпотенциал не определён, предположительно высок. Характер напористый, амбициозна, карьеристка. Склонна к авантюризму в связях».

Ли, немного подумав, решила, что в целом согласна с такой характеристикой.

– Ве, а что значит «уёмная»? – уточнила она с лёгким интересом.

– Это чуть цитовее, чем старшая стерва, но не такая амбициозная, как неуёмная, – пояснил Ветер, улыбнувшись.

– И что, каждая девушка может нашить себе любой узор? – продолжала интересоваться Ли.

– Может, – кивнул Ве, – но если она ошибётся в формулировках, подруги обязательно ей на это укажут. Это бывает довольно обидно. А если девушка не исправится, её ждёт остракизм – здесь это суровое наказание.

Ветер говорил спокойно, но его тон намекал, насколько серьёзно здесь к этому относятся.

По панелям модуля скользнул луч станционного солнца – их кабина теперь двигалась по выносной транспортной магистрали Лунцево. Ли снова прильнула к окну, стараясь получше рассмотреть детинец.

Снаружи он напоминал вертикальный парк, вздымающийся вверх на несколько километров. Среди пышной зелени были разбросаны жилые модули, достаточно просторные, чтобы вместить пять-шесть крупных семей. Многочисленные террасы, переходы и мостики соединяли дома между собой, а кое-где виднелись большие открытые площади и спортивные площадки.

В целом детинец выглядел уютно – словно земной коттеджный посёлок, только не раскинувшийся вдоль пологого ландшафта, а устремлённый далеко ввысь.

Пассажирский модуль остановился на краю просторной площади. Двери плавно раскрылись, и в салон ворвался радостный детский визг. Ли осмотрелась, пытаясь найти источник шума. Долго искать не пришлось – совсем рядом раскинулся парк развлечений с каруселями и аттракционами.

– Луна-парк, – пояснил Ник, тоже разглядывая аттракционы. – Их много при детинцах. Считается, что так дети привыкают к перегрузкам.

– Пож-простите! – к гостям приблизилось небольшое человекоподобное существо, покрытое густым жёлтым мехом и одетое в маленький чёрный фрак с ярким красным шарфом. – Я личный ассистент матроны Гес·Ты, она поручила мне встретить вас. Добро пожаловать в Лунцево! – Киберёнок церемонно поклонился, одной рукой придерживая красный берет

на голове. – Можете называть меня Мурзилка, пож. Надеюсь, мой вид вас не смутил, так я привлекаю меньше внимания. Следуйте за мной, пож-ста.

Он развернулся и бодро зашагал вперёд, посматривая через плечо, чтобы убедиться, что гости идут следом.

Согласно принципам современной урбанистической теории, остановки транспортных магистралей размещали на некотором удалении от ключевых точек интереса. Это побуждало пассажиров прогуливаться по улицам, что порой способствовало случайным встречам и завязыванию новых знакомств. Оживлённые улицы, в свою очередь, формировали привлекательный образ городского пространства, призванного вдохновлять и объединять людей.

Их провожатый уверенно направился через площадь, минуя большой фонтан, в центре которого возвышалась скульптура девушки, держащей Луну в руках. Она была выполнена из белого полупрозрачного материала, поглощавшего и преломлявшего свет, благодаря чему казалось, будто статуя светится изнутри. Вокруг фонтана был устроен небольшой амфитеатр, на скамейках которого расположилась группа детей в сопровождении учителя.

Когда гости проходили мимо, одна из девочек вдруг громко воскликнула:

– Смотрите, землянка!

Девочка вспорхнула со скамьи и ринулась навстречу Ли, но её успел схватить за рукав один из мальчиков.

– Осторожно! У неё может быть чума или даже… эти… – мальчик напряжённо вспоминал слово, – насекомые!

– Чур с тобой, – возразила девочка, вырывая руку. – Её бы из карантина сюда не пустили бы!

Наблюдая за детьми, Ли успокаивающе сказала:

– Я своих насекомых оставила дома. Кстати, бабочки бывают очень красивые, – добавила она с улыбкой. – А чуму мы победили ещё в тёмное средневековье, много столетий назад.

– Вот видишь! – воскликнула девочка, освобождая свой рукав, и приблизилась к Ли. – Вы с самой Земли?

– Пож-простите! – вдруг вмешался Мурзилка, подскочив к Ли. – Наших гостей ждёт матушка!

Ли успела только улыбнуться и утвердительно кивнуть любопытной девочке, прежде чем последовала далее.

Одна стена кабинета матушки Гес·Ты была полностью прозрачной, открывая вид на живописный сад. Свет заливал помещение, усиливая атмосферу уюта. В центре кабинета располагался мягкий диванчик в компании кушеток, расставленных так, чтобы создать непринуждённое пространство для общения.

Сама хозяйка удобно устроилась на диванчике, оживлённо споря с невидимым собеседником через вирт. Особое внимание Ли привлекло платье матушки – длинное, почти в пол, оно было плотно расшито мелким узором.

Визуальный фильтр, активированный Ли, тут же начал анализировать узоры, и в поле зрения всплыли многочисленные титры. Их оказалось так много, что интерфейс автоматически сгруппировал их в разделы.

«Член ЦкМкТ», – первым прочитала Ли. Интерфейс тут же заботливо расшифровал: «Центральный комитет Малого круга Триумвирата». Затем титры один за другим замелькали в её поле зрения: «Народная Мать СВК», «Народный учитель Союза», «Педагог экстра-квалификации», «Психолог высшей категории»…

И вдруг – «Гранд-сука».

Ли невольно улыбнулась последнему титулу, который резко выбивался из череды почётных званий.

Не прерывая заглушаемый акустическим фильтром диалог, Гес·Та с тёплой улыбкой приветствовала гостей и жестом указала Ли место на диванчике рядом с собой. Мужчины расселись по кушеткам.

У гостьи появилась возможность рассмотреть матушку внимательнее. Стройная женщина в годах лучилась былой красотой. Её тёмные глаза сочетали мягкость с нотками строгости, а в осанке ощущалось достоинство, отчего её внешне непринужденная поза смотрелась элегантно. Ли приняла вызов, и постаралась расположится на мягком диванчике с ответным скромным достоинством.

– Доченька! – наконец, матушка закончила свой неслышный разговор и обратилась к Ли. – Это он, – она указала на Ветра, – тебя так разодел?

– Да, – признала Ли. – Но он заверил, что так нужно. С моим нарядом что-то не так?

– Да нет, с платьем всё в порядке, – успокоила её матрона, улыбнувшись. – Просто чувствуется мужская рука. Ох уж эти мужские руки, за ними всегда нужен глаз да глаз, – матушка едва заметно подмигнула собеседнице, – особенно при нашей семейной модели руководства.

– Семейной модели? – переспросила землянка.

– Ну да! У нас правит Триумвират из Детсовета, Собеса и Техсовета, – с учительской интонацией начала пояснять матушка. – Детсовет, или Совет матушек детинцев, – это женская рука. Мы определяем, чего хочет станция, даём направление и мотивацию. Собес – это Совет Обеспечения, мужская рука, собрание глав урбов. Они отвечают за ресурсы и безопасность. А Техсовет – это наша СКоБа, или Система Контроля Будущего. Это рут иерархии техинов, «гнущих скобу» судьбы станции. У вас это, кажется, зовётся ГосПланом.

Она сделала паузу, чтобы дать Ли осмыслить услышанное, и продолжила:

– В итоге получается семейная модель: женщина, мужчина и память прошлых поколений, воплощённая в артинах. Собес всегда норовит сделать всё как проще, чтобы им меньше напрягаться. Но мы-то знаем, как будет правильнее, уютнее. Вот полчаса убеждала их, что при новом зонировании инфраструктурные узлы не так важны, как культпросвет. У нас с инфраструктурой и так всё хорошо, но детинцы и урбы слишком разобщены, нужны общие культурные центры.

Её тон выдал, что недавний спор всё ещё занимает её мысли. Было видно, насколько серьёзно она воспринимает свою роль и ответственность.

– Вы много достигли, – дипломатично заметила Ли, одновременно рассматривая сложные узоры на платье матушки, – но при этом выглядите такой живой и непосредственной!

– Да, в Малом круге Детсовета я одна из самых молодых среди матушек, и всё благодаря вашему знакомому, – со сдержанной гордостью ответила Гес·Та, поправляя складку на рукаве.

– Нашему знакомому? – переспросила Ли, чуть нахмурившись. Она не понимала, о ком шла речь.

– Вы ведь пришли снизу, от Гал·Тона, – пояснила хозяйка детинца. – Очень давно у нас тут произошла неприятная ситуация, – продолжила она. – Прежняя матушка ушла, а её место никто не спешил занимать, чтобы не пятнать свою репутацию. Положение было, мягко говоря, неприглядное. Только я вызвалась, хотя тогда шансов у меня было мало. Думала: хотя бы временно поруководить детинцем – и то будет честью.

Она на мгновение задумалась, словно возвращаясь в сложное прошлое.

– В тот момент и появился Гал. Тогда он был совсем молодым, глаза горели, полон идей, на первый взгляд – безумных. Но я-то была отчаянной, увидела в нём искру. Поверила ему. Любая другая матушка даже слушать бы не стала, а я не просто выслушала, но и заступилась, когда за ним пришли из разведки.

Матушка слегка улыбнулась разведчику, но её взгляд оставался сосредоточенным.

– И тут, благодаря наставлениям Гала, рождается Инн·Аа, девочка исключительного фемпотенциала. Просто невероятного. Затем появились и другие выдающиеся дети – не такие осо-

бенные, как Инн, но всё же заметные. О Лунцево заговорили! А ведь наш детинец совсем небольшой, всего десятитысячник.

Она выдержала паузу, её голос стал более мягким, но всё ещё уверенным:

– Так я стала известной матушкой, первой, кто использовал филархов в деле. Затем развила успех и теперь заседаю в Малом круге! Вот так. Очень важно в жизни разглядеть нужного человека и довериться ему.

Матушка слегка откинулась на спинку дивана, словно завершив свою историю, затем повернулась к Ветру:

– Так что там случилось с Инн? – спросила она, внимательно глядя на него.

– Почему с Инн? Я интересовался только Тро·Ной, – возразил Ветер, не любивший сразу раскрывать карты.

– Не сбивайте меня с толку, проявите уважение, – строго выговорила Гес·Та, её голос стал холоднее. – Тро·Ной могли заинтересоваться разве что пройдохи из «МоегоТела». Они здесь давно ошиваются. Но такую делегацию от разведки Союза, – матушка обвела гостей широким жестом, – могла привлечь только Инн·Аа, а не её тень – Тро.

– Вам так безразлична девушка, вина которой лишь в низком потенциале? – вдруг с вызовом спросила Ли, пристально глядя на матушку. Её тон был резким, но в глазах читалось желание услышать честный ответ.

– Убереги свою дерзость для другого случая, – мягко ответила хозяйка кабинета, её голос остался ровным, но в нём прозвучало едва уловимое предупреждение. – Для меня ценны все дети моего детинца, но Тро далеко не жертва. Она – моя величайшая ошибка. Я слишком поздно распознала её истинную натуру. Как и вы, я непростительно долго видела в ней жертву обстоятельств. Но ситуация куда сложнее. Именно Тро·На определила судьбу Инн, и неудивительно, что даже сейчас не отпускает её.

– Определила судьбу? – с интересом переспросил Ве, слегка подавшись вперёд. – Можно подробнее?

Матушка выдержала паузу, её взгляд оставался тяжёлым, а голос приобрёл нотки грусти и сожаления.

– С самого рождения Инн привлекала внимание, была звездой детинца, – начала Гес·Та. – Я надеялась, что она станет выдающейся матерью и однажды сменит меня. Но этим планам помешала Тро·На.

Матушка слегка выпрямилась, словно собираясь с мыслями.

– Сначала всё казалось безобидным. Девочки были разные, но жили по соседству, что их и сблизило. Они во многом дополняли друг друга. Тро с самого детства была амбициозна, но её перспективы как матери были слабы. Она понимала это и перебирала все возможные варианты карьеры, ввязываясь в разные увлечения. Кибермонгерство, начальная подготовка на флоте, моделирование одежды, метаграфия – она пробовала всё.

Гес·Та сделала небольшую паузу, вспоминая детали:

– Каждый раз она втягивала в свои авантюры Инн. Ведь у той был огромный фемкредит, из которого можно было оплачивать «специальные курсы» или «премиальное оснащение». Тогда Инн была яркой девочкой, но не особенно любознательной. Она уже находилась в центре внимания и не видела особой мотивации развиваться. В их паре Тро выступала катализатором. Это усыпило мою бдительность как педагога.

Матушка посмотрела на Ли, словно пытаясь найти понимание.

– Я должна была заметить, что их увлечения меняются слишком быстро. Раз за разом Тро оказывалась хуже своей подруги: ей не хватало воли, сосредоточенности. Она хотела быстрых успехов без усилий, как это получалось у Инн. Постепенно она уверилась, что её единственный талант – манипулировать людьми, и вложила всю себя в эту стезю.

Она вздохнула, прежде чем продолжить:

– В тот период девочки увлеклись актёрским мастерством. Даже у Тро были определённые успехи. Я ходила на их репетиции – Тро играла неплохо, но не выдержала испытания сценой. На премьере она растерялась, выступила блекло. Зато Инн, с раннего детства привыкшая к зрительскому вниманию, расцвела. Она сыграла лучше, чем на репетициях, тогда-то её и заметили представители крупного визор-шоу.

Гес·Та ненадолго замолчала, затем продолжила более спокойным голосом:

– Очень скоро я поняла, что наш детинец потерял будущую выдающуюся матушку, но станция обрела талантливую актрису. Так Инн прославила Лунцево, но покинула его. Естественно, Тро решила, что её предали, и озлобилась. Как я ни старалась, достучаться до неё мне так и не удалось – это мой провал.

Она покачала головой, её голос стал строже:

– После этого всё пошло под откос. Привыкшая жить на кредит подруги, Тро быстро растранжирила свой собственный фемкредит. Она отказалась рожать и примкнула к движению «МоёТело». Через пару месяцев её должны были выселить из детинца в урб как бездетную и лишённую потенциала. Но похоже, Тро захотела напоследок переиграть свою судьбу и, как обычно, втянула в это Инн.

Она пристально посмотрела на Ветра.

– Я ведь права? – спросила она, в её голосе звучала смесь сожаления и твёрдой уверенности.

– Да, – признал Ветер, слегка наклонив голову. – Они обе пропали на франке, и мы их ищем. Поэтому, если вы не возражаете, хотелось бы осмотреть каюту Тро·Ны здесь, в детинце. Возможно, найдём какие-то зацепки.

– Конечно, я распоряжусь, – спокойно ответила Гес·Та, затем задумчиво добавила: – Однако сомневаюсь, что Тро оставила там что-то полезное. Разве что… – Она внимательно посмотрела на Ли, будто прикидывая что-то. – А ваша землянка, похоже, кибермонгер. Может быть, в инфополе удастся что-то нарыть. Я распоряжусь, чтобы вам выдали все ключи доступа.

Ли коротко кивнула, принимая скрытый вызов в голосе матушки. Её взгляд стал сосредоточенным:

– Вы так спокойно приняли новость о пропаже девушек, словно не испытываете беспокойства, – в голосе гостьи звучал укор.

– Ты права, дочка, – с грустью признала Гес·Та. – Инн я потеряла давно, ещё когда она покинула детинец. А Тро была потеряна ещё раньше. К тому же я навела справки: Ве·Тер – лучший сотрудник разведки СВК, это обнадеживает.

Она улыбнулась чуть мягче и добавила:

– Бери пример со своего парня.

Неожиданно её взгляд задержался на Нике, и голос стал более задумчивым:

– Он, как и я – политик. Ведь слухи не врут? Вы агент-адмирал?

– Да, это так, – подтвердил Ник. Внутренне он был рад, что хоть кто-то сходу не назвал его «решалой».

– Интересные времена наступают, – покачала головой Гес·Та. – Раз в игру ввели такую фигуру. Мы, политики, – доверительно поведала она Нику, – должны беспокоиться лишь о том, на что можем повлиять. А в этом деле все мои возможности уже исчерпаны.

Матушка немного выпрямилась, словно подчёркивая, что её слова – не оправдание, а трезвое осознание реальности.

Услужливый Мурзилка вызвался проводить гостей обратно до стоянки транспортных модулей. Их путь вновь пролегал мимо фонтана. Всё та же группа детей увлечённо обсуждала что-то с учителем, и они не обратили внимания на проходящих мимо гостей. Похоже, всё это время разговор шёл о землянах.

– Почему земляне такие глупые? – спросила любопытная девочка у наставницы. – Они совсем не умеют обращаться с мерой! Не умеют её хранить, накапливать или изолировать. Говорят, они даже не могут на глаз определить низкую меру предмета!

Ли, заинтересованная вопросом, замедлила шаг у фонтана. Ей захотелось услышать ответ.

– Ты заблуждаешься, земляне такие же, как и мы, – наставница мягко поправила девочку, бросив мимолётный взгляд на Ли. В её глазах читалась тень извинения. – Сами земляне часто рассказывают о тёмных веках средневековья в своей истории. Мол, люди тогда были грубыми, необразованными, даже читать не умели. Но это тоже заблуждение!

Наставница выдержала паузу, словно проверяя, слушают ли её дети, затем продолжила:

– Если подумать, в те времена книг было очень мало. Зачем уметь читать, если читать нечего? Однако, когда возникло книгопечатание и появилось множество полезных и интересных книг, всеобщая грамотность стала нормой. Так и с мерой. Зачем землянам заботиться о ней, если она всегда стабильна? Люди ленивы, они не любят осваивать ненужные навыки и быстро их забывают. Так что мы такие же люди, как и земляне, будь то современные или средневековые.

«Туше», – подумала Ли, оценив ответ наставницы. Приветливо кивнув в её сторону, она показала, что поняла и приняла это объяснение. Затем, без лишних слов, Ли ускорила шаг, догоняя своих спутников.

* * *

Уютные своды детинца остались позади, и транспортный модуль мчал их дальше по пути расследования.

Как и предупреждала матушка, в каюте Тро·Ны оказалось почти пусто. Было очевидно, что девушка не собиралась возвращаться в детинец: всё ценное она забрала с собой, а ненужное утилизировала. Однако инфопространство её жилища было очищено наспех. Персональный профиль Тро·Ны был удалён из основного каталога жилого модуля, что полностью стирало локальные данные о её деятельности.

Для Ли это было затруднением, но не являлось непреодолимой преградой. Умные устройства, окружающие человека, даже те, что оснащены лишь примитивным техническим интеллектом начального уровня, собирали множество полезных сведений о привычках своих пользователей для улучшения работы.

С помощью ключей шифрования детинца Ли извлекла из архивных данных жилого модуля базовые идентификаторы имплантов Тро, которыми та пользовалась для доступа к сервисам детинца. Монгерша погрузилась в изучение киберсреды, связанной с этими низкоуровневыми идентификаторами.

Её анализ быстро дал результаты. Оказалось, что Тро часто понижала уровень громкости музыки и прерывала бытовую активность, когда ей поступали сообщения с определённого узла связи. Заботливые техины, настроенные на улучшение пользовательского опыта, сохранили ключевые слова, связанные с этими сообщениями: «фемкредит», «трансфер», «Инн·Аа», «поездка», «франк».

Этого было достаточно, чтобы наметить направление дальнейшего поиска.

«То, что нам нужно», – с удовлетворением отметила про себя Ли.

Отследить адрес по данным узла связи было несложно, но раз она работает на разведку, то эту работу она доверила Ве. Киберслужба разведки менее чем через минуту выдала им адрес в урбе неподалёку. К адресу было приложено краткое досье на местного оппозиционного активиста, проживающего там же.

И вот, транспортный модуль мчал их из детинца в урб «Вернадский-44». По пути Ник пытался привлечь внимание Ли к виду парка «Лукоморье», построенного по мотивам древних сказок. Однако здешняя достопримечательность находилась слишком далеко, и рассмотреть её толком не удалось. Капитан, впрочем, не терял оптимизма – по его прикидкам, обратный путь на корабль пролегал как раз через этот парк.

Урб резко контрастировал с детинцем. Он был менее уютным, но более практичным. Транспортная магистраль проходила таким образом, что увидеть сооружение снаружи оказалось невозможно. Очень скоро их модуль остановился в просторном коридоре, прямо напротив нужной двери.

Покинув модуль, Ли осмотрелась. Широкий светлый коридор монотонно тянулся вправо и влево. Двери кают отличались лишь номерами. Вдоль стен в строгом порядке располагались крохотные гидропонные газончики с зеленью, которые, вместо того чтобы оживить интерьер, своей геометрической регулярностью лишь подчёркивали его однообразие.

Когда транспортный модуль уехал, их троица осталась в одиночестве. Вдоль бесконечного коридора слышно было лишь тихое шуршание: одинокий сервисный бот медленно протирал стенные панели вдали.

Над нужной дверью значилось: «347·4576», а рядом висела стандартная табличка с аншлагом: «Двухсекционная каюта, 35 кв.м., сват-норматив, персонал: 1-2 человека, проект КСС-44П-ТРЭ».

– Нужно подождать, – тихо сказал Ветер, скользнув взглядом по табличке. – Я запросил картинку из каюты, мало ли что, но пока есть только звук. Дверь откроют по моему сигналу.

Он замер, вслушиваясь в невидимые подсказки из своего интерфейса, оставляя Ли и Ника наедине с их мыслями.

Было непривычно стоять в пустом коридоре, ожидая картинки из помещения, в которое собираешься вломиться. Будь её воля, Ли просто позвонила бы в дверь. Но не ей было учить агента разведки основам оперативной работы.

Чтобы занять себя, она подключилась к акустическому каналу, который транслировал Ве. Сначала было слышно лишь шарканье, неразборчивое и слабое. Ли повысила громкость, и сквозь шум стало различимо сердцебиение. Кто-то был внутри. Судя по одиночному ритму и отсутствию других шумов, вероятно, один.

Внезапно громкий хлопок и звон едва не оглушили Ли. Она поспешно отключила трансляцию. Рядом поморщился Ве – похоже, он тоже выкрутил громкость слишком высоко. Бросив многозначительный взгляд на спутников, разведчик без колебаний распахнул дверь и ринулся внутрь. Ник последовал за ним почти мгновенно.

Ли немного выждала, но вскоре двинулась следом. Внезапно Ник попытался её задержать, но было уже поздно – Ли всё увидела.

Свежая кровь стекала по стене, а по стенной панели были размазаны серые ошмётки, в которых мерцали голубые искорки. Монгерша сразу распознала это мерцание – так светятся нанотрубки при обрыве нейросвязей. Заглянув через плечо Ника, Ли увидела раскинувшееся в кресле тело. Половина головы была снесена, а окровавленный срез черепа также мерцал этими зловещими огоньками.

К горлу Ли подступил комок, голова закружилась, и на мгновение показалось, что её охватит паника. Однако значок медимпланта моргнул красным – это Холмс автоматически впрыснул в её кровь препарат, требующий специального рецепта. Состав подействовал мгновенно, и волна тревоги начала спадать, уступая место ясности мысли.

«Соберись! – приказала она себе. – Каждая секунда на счету!»

Ей никогда прежде не приходилось заниматься некродайвингом, хотя теоретически она была прекрасно подготовлена. Ли мысленно пробежала шаги процедуры, пытаясь восстановить все детали, которые теперь предстояло применить на практике.

Сделав неуверенный шаг вперёд, девушка заставила себя взглянуть на вскрытую голову. Рядом с тем, что некогда было затылком, свисал линк нейропорта. К счастью, его шина не была оборвана, а уходила вглубь черепной кости, где тускло поблёскивал корпус нейроимпланта.

Открыв коннектор на запястье, Ли на миг замешкалась. Правильнее было бы извлечь разъём с нейрокабелем и подключиться напрямую. Но сама мысль о том, что её что-то будет физически соединять с этим… телом, вызывала отвращение. Вместо этого она достала фишку для удалённого соединения.

Ли застыла. Чтобы подсоединить фишку, нужно было приблизиться к телу и подключить её к окровавленным остаткам нейролинка. Осознание того, что ей предстоит прикоснуться к этим изуродованным останкам, заставило её оцепенеть.

Внезапно она ощутила, как кто-то взял её за руку. Это был Ветер. Без лишних слов оперативник решительно вынул фишку из её пальцев и, немного неуклюже, подсоединил коннектор к свисающему из мозга линку. Ему даже пришлось придерживать хлипкие остатки линка свободной рукой, чтобы зафиксировать соединение.

С огромным облегчением, словно рыба, вернувшаяся в воду, Ли погрузилась в вирт. Итак, некродайвинг. Когда тело носителя находится на грани жизни и смерти, импланты начинают получать противоречивые сигналы, переходя в состояния, редко встречающиеся в их обычной работе. Такие ситуации зачастую не покрываются тестами, из-за чего изобилуют уязвимостями.

Первым делом модуль некродайвинга подключился к медицинским протоколам и представился техином группы реанимации. Этот обман мгновенно предоставил Ли широкие полномочия и свободу действий в системе. Не мешкая, монгерша запустила индексатор, чтобы составить карту повреждений нейросети и собрать слепок данных, которые вот-вот могли исчезнуть из умирающего мозга.

Продвигаясь по этажам горящего здания, Ли в костюме спасателя заглядывала в комнаты. Не обращая внимания на задыхающихся жителей, она шла мимо, устремляясь прямо к книжным полкам. Быстро сгребая книги в увесистый мешок, Ли двигалась дальше.

Опять образный шум! Нужно собраться! Она мысленно представила блеск звезды древнего Университета. Это помогло – концентрация вернулась, а образный шум исчез.

Собирая данные, Ли внезапно наткнулась на мощный нейропоток мигов. Она не сразу поняла, что это, но когда осознала, чуть не утратила самообладание. Это были последние мысли умирающего сознания – бессвязный поток образов, который можно описать словами: «вся жизнь пронеслась перед глазами».

Стараясь не отвлекаться на чужие воспоминания, монгерша методично продолжала собирать индекс данных. Однако обречённое сознание вдруг заметило её. Агонирующая активность нейронов породила мысль: «Кто здесь?»

Ли замерла, но нейропоток не остановился. Ещё мгновение – и новая, наполненная отчаянием мысль прорвалась сквозь туман умирающего разума: «Это всё? Всё?!»

С трудом удерживаемая концентрация Ли рухнула, и образный шум хлынул мощным потоком. В её сознании пронёсся вид: неприкаянный человек бродил по коридорам горящего разума, повторяя в отчаянии: «Это всё? Это всё?! Конец?»

Эмоции накрыли её волной, и, не в силах справиться с ними, Ли отключилась от внешнего соединения, оставив бездушных техинов доделывать начатое. Но беглая оценка собранных данных оказалась удручающей. Полезная информация не была найдена, а время стремительно утекало.

Собрав остатки воли, Ли вновь проникла в пылающий разум. Игнорируя вопли и хаос, она пошла прямо на отчаянный крик. Подойдя к фигуре, словно сотканной из тлеющих углей, Ли ухватила её за плечи и резко спросила:

– Тро·На?

Уловка сработала. Ассоциативная связь вспыхнула, подсветив нужную область памяти. Индексатор тут же устремился туда, словно стервятник, нацелившийся на добычу. Ли почувствовала, как нужные данные начали формироваться в структурированную карту.

Наблюдая, как догорает остов ментального здания, Ли непостижимым образом видела в нём обнажённую нейроструктуру человеческого сознания. Это было жуткое, но одновременно вдохновляющее зрелище. Неожиданно её посетило озарение. Она ясно осознала, как мыслит человек, как работает разум, и, что важнее, как мыслит она сама. Словно древний врач, изучающий строение человека на трупах в анатомическом театре, Ли препарировала ускользающий труп человеческого сознания, стараясь уловить тонкости его устройства.

Когда монгерша покинула вирт, вокруг уже было много новых людей в униформе спецслужб. Повсюду суетливо сновали боты, а за окном подвисли дроны, удерживающие большую ширму, которая закрывала место преступления от внешних взглядов.

Запах крови, стоявший в кающе, был невыносим. Тело в кресле поникло, нейроимпульсы больше не мерцали. Всё замерло, и эта стылость казалась Ли тяжёлой и безысходной.

«Что-нибудь нашла?» – деловитый титр от Ветра возник перед глазами Ли. Похоже, он заметил, что она вернулась в реальный мир, и жестом дал сотрудникам полиции сигнал, что они могут приступить к работе с телом.

«Погоди немного, сейчас идёт декодирование», – отбила Ли, сосредоточив внимание на выводимых данных.

В этот момент из собранного индекса путаной структуры человеческих нейронов извлекались конкретные данные. Ли замерла, следя за процессом. И вот оно! Кажется, то, что нужно – пакет данных с ярлыком «Экстракция Тро·На+1».

В пакете содержалась подробная инструкция для девушки и её подруги, как добраться до франка. Дальше шли детальные указания: в каком месте франка они должны находиться, чтобы их подобрали. Беглянок собирались поместить в индивидуальные контейнеры с жизнеобеспечением, чтобы тайно доставить на судно в виде груза. Указывался и сам корабль, который должен был увезти их с франка. План был проработан до мелочей, с точным временем и деталями маршрута.

Обрадованная тем, что её мучения не были напрасными, Ли облегчённо заявила:

– Да, кажется, я нашла…

– Тс-с-с! – резко прервал её Ветер, подняв руку. – Не говори вслух, на месте преступления часто бывают жучки.

Озадаченная своей неопытностью, Ли сжала губы и без слов переслала пакет данных следователю.

* * *

Позже, выйдя в коридор, их группа обдумывала ситуацию. Судя по всему, беглянки сейчас находились на корабле, который вёз их на франк без выдачи в СВК. Орбита судна была проложена так, чтобы его было сложно перехватить.

– Дем Затон, – многозначительно заметил Ветер.

Ник понимающе кивнул, и оба замолчали, как будто это короткое упоминание говорило само за себя.

Хотя Ли стояла рядом с Ником и Ветром, её мысли витали далеко. Образ сгорающего сознания продолжал преследовать её. Только сейчас она по-настоящему осознала, что пережила чью-то смерть, находясь внутри его разума.

«Это всё? Всё?! Конец?» – бесконечно прокручивалось в её голове.

Когда Ник обратился к ней, она не сразу поняла, что говорит капитан.

– Ты как, справишься? – повторил он.

– Справлюсь? С чем? – растерянно переспросила Ли, возвращаясь к реальности.

Ник взглянул на неё с пониманием, терпеливо объясняя ещё раз:

– Мы можем сами перехватить «СабинАрк»…

– «СабинАрк»? – переспросила Ли, стараясь сосредоточиться.

– Это судно, на котором сейчас находятся девушки, – уточнил Ник, его голос звучал уверенно, но мягко, давая Ли время прийти в себя.

– И что? – раздражённо спросила Ли, едва сдерживая сарказм. – Во всём этом вашем хвалёном флоте только Нау может что-то сделать?

Мужчины переглянулись.

– Ситуация сложная, – спокойно начал пояснять Ник. – Затон Демов – это область нейтрального вакуума, зажатая между станциями демов. Вроде как вакуумный мешок, формально нейтральный, а по факту полностью контролируемый ими. Если туда сунуться нашим военным кораблём, осложнений не избежать. Подготовить судно с легендой и прикрытием – это время, которого у нас нет. Зато у нас есть Нау – по всем классификациям он проходит как обычный наёмный крейсер.

Ник взглянул на Ли, давая ей время осмыслить сказанное, но она всё ещё выглядела недовольной.

– Ладно, – смирилась Ли, глубоко вздохнув. – Поняла, всё сложно. Так, с чем я должна справиться?

– С перегрузками, – ответил Ник, глядя на неё с долей сочувствия. – По медицинским показателям ты выдержишь, Холмс подтвердил это. Но несколько часов под двойной перегрузкой, без подготовки… Это будет мучительно.

– Ник! Хватит! – резко перебила его Ли, голос её сорвался на грани терпения. – Хватит увиливать от ответственности. Ты капитан, я член экипажа. Если я должна страдать, так отдай приказ, как капитан. Не требуй, чтобы я согласилась на это по доброй воле.

Она сделала шаг вперёд, глядя Нику прямо в глаза:

– В этой ситуации у меня нет выбора. Твой вопрос риторический и из фальшивой вежливости. Ты действительно думаешь, что я оставлю Инн в беде ради личного комфорта? Нет!

Ли сжала кулаки, голос её звучал твёрдо и непреклонно:

– Этим вопросом ты просто прикрываешь себя, будто я страдаю не из-за твоего решения, а сама этого захотела? Да? Нет уж! Если мне будет плохо, я хочу на кого-то злиться! Пусть этим «кем-то» будет наш капитан! Я хочу прийти к своему парню и пожаловаться на капитана-изверга! Не отбирай у меня этого!

Ошеломлённый такой реакцией, Ник не сразу нашёл, что сказать. Ли тоже осознала, что, возможно, перегнула палку. Напряжённую паузу нарушил хохот Ветра.

Капитан и монгерша одновременно недоумённо обернулись к нему.

– Простите! – Ветер отмахнулся, всё ещё усмехаясь. – Просто забавно наблюдать, насколько вы не понимаете друг друга.

Он повернулся к Ли, всё ещё с весёлой искрой в глазах:

– Вы думаете, что он оберегает вас как девушку, но в данном случае Ник относится к вам как к офицеру флота. Видите ли, это такая флотская особенность. Если капитан приказывает офицеру прищемить палец, то он лишает его возможности проявить мужество. А если капитан спросит: «Есть ли добровольцы, готовые прищемить палец ради общего дела?» – то теперь офицеры могут проявить себя.

Ветер хитро прищурился и продолжил:

– И тут обязательно найдётся кто-то, кто заявит: «Ради такого дела я готов прищемить два пальца!» Понимаете? Количество пальцев будет только расти.

Он многозначительно посмотрел на Ли:

– Для капитана риторически спросить про перегрузки – это часть флотской традиции. Он не считает вас слабой. Напротив, он даёт вам возможность показать стойкость. Вы-то решили, что вопрос риторический, а он на самом деле ритуальный.

Ли на мгновение задумалась, осознавая сказанное, затем перевела взгляд на Ника, в глазах которого мелькнуло что-то вроде молчаливого подтверждения.

– В таком случае, я готова к тройным перегрузкам! – бодро заявила Ли, расправляя плечи.

Напряжение в компании спало, на лицах мелькнули улыбки. Ник кивнул, явно довольный таким исходом, а Ветер лишь усмехнулся, качнув головой.

Тем временем по транспортной линии коридора к ним стремительно приближался крупный спецмобиль. Его массивный корпус отражал яркий свет коридорных ламп, а на борту красовался герб СВК.

– Это по мою душу, – угрюмо заметил Ветер, не сводя взгляда с приближающейся машины.

Ник и Ли переглянулись, но ничего не сказали. Они уже успели отметить, что Ветер не любил формальности, особенно когда они касались его самого.

Действительно, спецмобиль резко затормозил перед ними, и из него вышел человек в форме высших чинов полиции. Уверенной походкой он подошёл к Ветру и, слегка склонив голову, отдал честь.

– Полковник Ве·Тер? – уточнил он с формальной вежливостью.

– Так точно, – ответил Ветер, также приложив руку к голове в ответном жесте.

– Я дежурный по Гагарину, полковник То·Мин, – представился полицейский, попутно кивнув в сторону Ника, явно узнавая его.

– Нехорошо получается, – без лишних вступлений продолжил он, осуждающе глядя на Ветра. – Нарушаете! У нас ведь соглашение с разведкой – никаких операций на станции. А тут такое!

Он махнул рукой в сторону двери каюты, за которой ещё кипела работа криминалистов.

Ветер выдержал паузу, словно решая, насколько официальным должен быть ответ, затем с вызовом произнёс:

– Какое? – парировал он, не скрывая сарказма. – Агенты демов вербуют девушек у вас прямо под носом? А затем устраняют друг друга из оружия, которого не должно быть на станции?

Полковники сверлили друг друга взглядами, словно стараясь выявить, кто первый дрогнет. Наконец, То·Мин сдался и, тяжело вздохнув, махнул рукой.

– Ладно, проехали. Но могли бы хотя бы предупредить! Вы нам весь стаж порвали, у нас убийств уже семь лет не было, а теперь вся криминальная статистика в пыльную пыль! – с досадой посетовал он.

– Понимаю, – участливо согласился Ветер, кивнув. – Сам не ожидал, что растормошу такое…

– Что планируете делать дальше? – с подозрением спросил То·Мин.

– Поскорее покинуть станцию, – ответил Ветер, бросив взгляд на своих спутников.

– Вот это верное, уместное решение, – одобрительно кивнул полицейский. – И чем скорее, тем лучше!

Его голос звучал твёрдо, но в глазах читалось явное облегчение.

* * *

В транспортном модуле царил полумрак – магнитная магистраль, по которой они сейчас мчались, проходила в тени структурного небоскрёба. Эти гигантские, высотой в десятки кило-

метров, сооружения связывали внешнюю оболочку станции с её осью и внутренним цилиндром. Между собой персы называли их «спицами».

К прочности спиц предъявлялись особые требования, поэтому их делали массивными и плотно заселяли. Это позволяло поддерживать высокую меру таких ответственных конструкций, обеспечивая их надёжность и стабильность.

Точно так же, как тень спицы накрывала их модуль, недавние события омрачали общее настроение. Даже оптимизм Ника заметно угас. Приняв суровый вид, Ветер ушёл в вирт – вероятно, отдавал распоряжения коллегам или составлял отчёты для руководства. Тяжелее всего пришлось Ли. Погружённая в размышления, она словно отстранилась от происходящего, а её мысли, судя по всему, были далеко не радужными.

Но вот луч искусственного солнца скользнул по модулю, и Ли невольно ахнула. Именно на такую реакцию и рассчитывал Ник.

Исполинский дуб в центре парка «Лукоморье» казался гигантским даже на фоне структурных небоскрёбов. Формально это было не одно дерево, а целая дубовая роща, в которой специально выращенные могучие деревья изображали ветви единого древа. Их стволы гармонично сплетались с искусственными конструкциями, создавая иллюзию единого целого, где невозможно было определить, где кончается природа и начинается технология.

Среди густых зелёных крон пролегала мощная золотая цепь. Ник знал, что на самом деле она была сделана из позолоченного композита – настоящая золотая цепь такого размера разорвалась бы под собственным весом.

У корней дуба начиналось взморье – лазурные волны ритмично накатывали на золотистый песок, разбиваясь в белоснежную пену. Дальний берег должен был растворяться в тумане оптической иллюзии, однако с высоты магистрали маглева было видно, что под имитацию моря отведено всего несколько квадратных километров станции.

Несмотря на это, картина выглядела завораживающе, вызывая чувство восхищения даже у тех, кто видел её не впервые.

С раннего детства Ник несколько раз бывал в парке и мог многое рассказать о русалках, коте Баюне, богатырях, леших и других здешних диковинках. Однако, заметив на просветлевшем лице Ли эмоции узнавания, он решил воздержаться от лекции. Вместо этого Ник просто указал рукой на здание Музея Сказок, которое находилось чуть в стороне.

Сооружение имело форму хрустального ларца, внутри которого можно было разглядеть белого стеклянного зайца. Внутри зайца находилась утка, в утке – яйцо, а в яйце, как полагается, хранилась игла. Благодаря игре света и удачному ракурсу все фигуры внутри здания были хорошо видны. Именно на это и указал Ник, позволяя Ли самостоятельно насладиться красотой замысловатой конструкции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.